

XLIII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XLIII

№ 29

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ Модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1912

Выданъ 21-го іюля 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Оскара Уайльда“ кн. 4.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1912 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. А. ФЕТА,
А. И. КУПРИНА, Оскара УАЙЛЬДА.

12 книгъ „Ежемѣсячныхъ Литературныхъ и Популярно-Научныхъ Приложеній“ и пр.

Т. Лабриньонъ. Первое знакомство.

Сенька въ убѣжищѣ.

Разсказъ Марка Басанина.

Перепечатка воспрещается.

І.

Добрая барыня провела бѣлой, нѣжной рукой по коротко-стриженной, жесткой головѣ Сеньки, который весь съѣжился отъ этой ласки, спряталъ голову въ плечи и зажмурился, какъ жмурился онъ всегда, инстинктивно, привыкнувъ видѣть въ каждой занесенной надъ нимъ длани карающую десницу.

То, что барыня приласкала, а не ударила его, было такъ удивительно, что Сенька разинулъ ротъ да такъ и остался стоять, и, рѣшившись наконецъ раскрыть глаза, онъ уже не спускалъ ихъ съ барыни, съ жаднымъ любопытствомъ разглядывая, точно оцупывая взглядомъ, и ее и каждую вещь, надѣтую на ней.

Барыня была такая важная, полная, бѣлѣлая. Шея у нея была открытая, — такая пухлая и такой изумительной чистоты, что Сенькинымъ глазамъ не вѣрилось, и про себя онъ не могъ не воскликнуть:

— Охъ, и хороши бани, гдѣ такъ чисто моютъ!

Руки у барыни были тоже совсѣмъ необыкновенныя: ноготки тонкіе, розовенькіе, остренькіе. Сенькѣ очень хотѣлось ихъ потрогать: „Поди, пожалуй, и не настоящія!“ Пальцы длинные, и на каждомъ пальчикѣ кольца, а въ кольцахъ—камушки, одинъ другого ярче. Стянуть одинъ бы такой камушекъ, — ужь Сенька нашелъ бы, куда сбыть, — пару сапогъ купить можно было бы! И капотъ на барынѣ бѣлѣе снѣга и весь въ кружевахъ, а голова распричесана, фунтовъ пять волосъ куплено.

„Ишь, сдобная, — разсуждалъ про себя Сенька: — отѣблась-то на даровыхъ, хлѣбахъ и не разберешь, старая или молодая, больно гладка!“

А барыня ласково улыбалась и пѣвучимъ голосомъ говорила Сенькиному крестному, старому, оборванному, съ обрюзглымъ, краснымъ, похожимъ на мѣдный, давно не чищенный, чайникъ, лицомъ:

— Онъ у васъ робокъ, очень робокъ. Какъ его зовутъ?

— Сенька-съ. — Семень, то-есть, — откашливаясь въ руку, сказалъ крестный.

— Ахъ, да, Сеня. Зачѣмъ вы его называете Сенькой? Это не деликатно.

— Ничего-съ, — сказалъ крестный. — Баловникъ онъ. Только и надежда, что на васъ, ужь не оставьте сударыня! Куда мнѣ съ нимъ, съ сиротой? Сами изволите знать, слабъ я.

— Ахъ, это ужасно, это ужасно! — воскликнула барыня и махнула бѣлой рукой передъ носомъ Сеньки, а камушки засверкали, заиграли и замигали ему, точно смѣясь надъ нимъ.

А барыня продолжала тѣмъ же пѣвучимъ, сладкимъ голосомъ и такъ жалко, вотъ-вотъ заплачетъ:

— Ахъ, Боже мой, Григорій Ивановичъ, неужели вы не можете бросить?

— Не могу, сударыня, — конфузливо отвѣчалъ крестный и, косивъ глаза, тайкомъ отъ барыни метнулъ острый и сердитый взглядъ на Сеньку.

— Нѣтъ, вы можете, — возразила барыня: — вы можете, только вы не отдаете себѣ отчета, что вы себя губите. Вы соберитесь съ силами, твердо скажите себѣ: я не буду пить, — и боритесь, боритесь со своею страстью.

„Ишь, улещаетъ! — подумалъ Сенька. — Видно, бабы все на одинъ ладъ! Поднесла бы лучше черепокъ, крестный мой повеселѣ бы сталъ!“

— Если бъ вы были еще обыкновенный человѣкъ, — пѣла барыня: — но вы, Григорій Ивановичъ, талантъ, настоящий талантъ. Вспомните, какъ мы все дорожили вами; Николай Петровичъ покойный — онъ просто вамъ цѣны не зналъ. Помните, вы ему всегда фрикандо угождали.

— Сущъ бискъ они любили, — оживился крестный: — и къ нему буше дампре требовали. Настоящій былъ господинъ, теперь ужь такихъ мало. Цѣнилъ.

— Ахъ, Григорій Ивановичъ, — говорила барыня: — ваше дарованіе всякій бы одѣнилъ. Да я и не знаю, у кого можно было такъ поѣсть, какъ у насъ, одинъ соусъ аспази чего стоилъ!

— И субизъ, сударыня, субизъ у меня хорошо выходилъ!

Теперь Сенька переводилъ изумленный взглядъ съ барыни на крестнаго. Онъ зналъ, что крестный — жалкій пропойца, что работать онъ не можетъ, и если не валяется мертвецки пьяный гдѣ-нибудь подъ заборомъ, то бродитъ по улицамъ съ протянутой рукой, пока вечеръ не загонитъ его въ ночлежку. Онъ всегда считалъ его вралею и хвастуномъ и нагло смѣялся, когда тотъ начиналъ разсказывать о большихъ домахъ, гдѣ онъ служилъ, и о важныхъ господахъ, которымъ онъ угождалъ. Теперь Сенька, слушая, какъ онъ разговариваетъ съ барыней, съ изумленіемъ убѣждался, что крестный не вралъ, и съ любопытствомъ, почти съ восхищеніемъ старался запомнить мудренныя, Богъ вѣсть что обозначающія, выраженія, которыми перебрассывались крестный съ барыней.

Жалкой прозой, скучной и ненужной показались ему слова крестнаго:

— Явите божескую милость, заставьте за себя Бога молить, пристройте куда ни на есть мальчишку!

Все это было такое извѣстное, неинтересное, такъ давно надоѣвшее Сенькѣ.

Онъ и самъ умѣлъ говорить жалкія слова, пѣть Лазаря, да что въ нихъ толку? Тоска одна, голько себѣ и другимъ надоѣдаешь. А вѣдь вотъ есть другія слова; ихъ такъ, походя, не услышишь, и что они обозначаютъ — неизвѣстно, а слушать пріятно, и не запомнить ихъ все сразу, хоть бы два такихъ словечка заучить — онъ бы утеръ носъ пріятелямъ.

— Я вѣдь вамъ уже сказала, Григорій Ивановичъ, — прервала клянчанье крестнаго барыня: — что мальчикъ будетъ принятъ въ пріютъ. Я уже переговорыла и съ директоромъ и съ докторомъ. Прямо везите его туда отъ моего имени, ему тамъ будетъ очень хорошо. Я вамъ худа не пожелаю. Членовъ комитета я все лично знаю, это — все мои добрые знакомые. Я сама членъ-учредитель общества взысканія погибшихъ. Мы преслѣдуемъ исключительно гуманныя цѣли. Мальчика тамъ научатъ читать, писать и, смотря по способностямъ, отдадутъ въ какое-нибудь ремесло. О, у насъ дѣло очень и очень разумно поставлено!

— Въ сапожки мнѣ не охота, — вырвалось у Сеньки: — въ слесаря я тоже не желаю.

— Дуракъ! — сердито оборвалъ крестный: — просили тебя ротъ разѣвать? Твое дѣло слушаться благодѣтелей.

— Нѣтъ, отчего же? — сказала барыня. — Мы именно считаемся съ природными наклонностями, съ личными вкусами и способностями. Ты выберешь себѣ дѣло по душѣ. Ты, можетъ быть, любишь рисовать?

Сенька усмѣхнулся.

— Не пробовалъ, — сказалъ онъ.

— А тамъ попробуешь.

Сенька тяжело вздохнулъ.

— Не смѣемъ васъ больше утруждать, — сказалъ крестный. — Благодаримъ за милость!.. Цѣлуй ручку у барыни! Идолъ, спасибо-то сказать не умѣешь!

Сенька неуклюже потянулся къ барыниной рукѣ, но она сама поднесла ее къ его губамъ, и Сенька впился въ нее, опьяненный запахомъ крѣпкихъ духовъ и ослѣпленный игрой драгоценныхъ камней.

„Слямзить хоть бы одно колечко“, — мелькало у него въ головѣ.

Барыня вырвала у него руку и, вздохнувъ, сказала:

— Бѣдный ребенокъ! Онъ очень чувствителенъ. Ну, Богъ дастъ, мы его сдѣлаемъ человѣкомъ. А вы, Григорій Ивановичъ, дайте мнѣ слово, что позаботитесь о себѣ. Теперь, когда мы васъ избавимъ отъ заботъ о мальчикѣ, у васъ будетъ много свободного времени, вы всецѣло будете принадлежать себѣ. — дайте же мнѣ честное слово, что вы будете стараться исправиться.

Старикъ тяжело перевелъ духъ.

— Слушаю-съ! — сказалъ онъ.

Переступилъ съ ноги на ногу и прибавилъ:

— Извините, что обезпокоилъ!

— Ничего, — ласково улыбулась барыня. — Смотрите же,

завтра непременно отвезите. — И, кивнувъ головой, она повернула спину крестному и Сенькѣ.

Платье ея зашевелилось, издавая легкой свистъ, и поволоклось сзади длиннымъ хвостомъ. И пока фигура барыни не скрылась, Сенька, не отрываясь, провожалъ ее глазами, и въ воображеніи его неизгладимыми чертами запечатлѣвались пышная прическа, полная, нѣжная, выступающая изъ низко-вырѣзаннаго ворота шея, широкіе, отдѣланные кружевами, рукава и все колеблющееся большое и сытое тѣло, обложенное въ снѣжной бѣлизны капотъ.

II.

Сенька ѣхалъ въ вагонѣ третьяго класса. Жаднымъ взоромъ вшивался онъ въ убѣгающія поля и въ мелькающія передъ глазами деревья. Что-то очень давно видѣнное, забытое, родное и далекое напоминали они ему. Почему-то хотѣлось плакать, и на душѣ лежалъ словно камень. Почему?—Сенька не могъ дать себѣ отчета.

И вѣдь все, кажется, было хорошо. Барыня какъ сказала, такъ и сдѣлала. Съ письмомъ ея Сенька ходилъ въ какой-то комитетъ. Тамъ ему дали бумагу, онъ носилъ ее барынь. Она опять написала письмо и велѣла вмѣстѣ съ письмомъ и бумагой ѣхать, куда приказано. И денегъ Сенькѣ на дорогу дала. И пуще всего наказывала, чтобы письма ея не потерялъ и не замазалъ бы и не изорвалъ бы конверта. А конвертикъ маленькій, красивенькій, голубенькій, съ золотымъ ободочкомъ, и пахнетъ отъ него хорошо.

Теперь пріѣдетъ онъ, а тамъ ужъ ему приготовлено мѣсто. Въ теплѣ, въ сухости, въ сытости, въ холѣ будетъ жить. Платье казенное дадутъ, сапоги, чай, хорошіе, новые, не такіе опорки, какъ на немъ сейчасъ. Грамотѣ учить будутъ и мастерству какому-нибудь научать. Въ люди выведутъ.

Хорошо оно, а все чего-то боязно. Мальчишки Сеньку пугали: — Въ тюрьму идешь, парень, самъ головой въ мѣшокъ лѣзешь.

Сенька отмалчивался. Чтѣ ихъ, дураковъ, слушать. Волтають зря. Небось, и самимъ хотѣлось бы по-людски пожить. Теперь-то ничего, тепло еще. Листья на деревьяхъ не все пожелтѣли, живи себѣ на улицѣ. А вотъ зимой-то какво?

Сенька даже вздрогнулъ при одномъ воспоминаніи. Вспомнились ему страшные зимніе морозы, ночлеги на баркахъ, стояніе на паперти, ночевки въ участкахъ, постоянныя голодовки.

Но все это еще туда-сюда. Хуже всего были побой. А били его постоянно чѣмъ ни попало и за что ни попало. Это было страшнѣе всего.

А вотъ тамъ бить не будутъ, тамъ обращеніе деликатное. Барыня сказывала, тамъ все такіе, какъ она. Мухи не обидятъ. Она добрая, сразу видать,—его, Сеньку, не обманешь, онъ чловѣка видать!

Красть тамъ Сенька не будетъ,—за это никто не похвалить. Да и зачѣмъ красть, коли и такъ всего вволю?

И Сенька принимаетъ твердое рѣшеніе вести себя благородно, честно и доказать крестному, что не такой ужъ онъ пропащій и дурень.

При мысли о крестномъ сердце Сеньки размягчается, ему становится жаль стараго, спившагося, обнищавшаго и больного повара, жаль до слезъ, и Сенька начинаетъ рисовать себѣ картину будущаго благополучія крестнаго. Сенька не забудетъ его, какъ выйдетъ въ люди. Мастеръ изъ него будетъ хорошій. Нѣтъ, лучше не мастеръ, а торговецъ. Богъ его еще знаетъ мастерство, а въ торговлѣ Сенька считаетъ себя знатокомъ. Заживутъ они тогда съ крестнымъ! Онъ ужъ старика ни въ чемъ стѣснять не будетъ. Лежи себѣ на печи да распивай чай. Водочки захочется—и это можно. Отчего не выпить? Сенька и самъ не прочь пропустить стаканчикъ — другой. Пьянствовать онъ не станетъ, а передъ вами выпить торговому чловѣку обязательно нужно, ну, и въ компаніи съ хорошими людьми тоже слѣдуетъ...

Сенька такъ увлекся своими мечтаніями о будущемъ, что чуть не прозѣвалъ своей станціи.

Накрапывалъ мелкій дождь, но было такъ тепло, что парило, и стояла какая-то нѣжная, грустная тишина...

Опустѣвшія дачныя окрестности, окутанныя дымкой осеннихъ тумановъ, въ убранствѣ увядающихъ садовъ и парковъ, расцвѣченныхъ багрянцемъ и золотомъ, лежали кругомъ безмолвныя,

очаровательно прекрасныя, точно погруженные въ волшебный сонъ. Въ опустѣлыхъ аллеяхъ не видно было ни души, не слышно было голосовъ, и только шуршали подъ стоптанными опорками Сеньки упавшіе жѣлтые листья.

И самъ Сенька шелъ, какъ во снѣ, весь раскрываясь навстрѣчу таинственной ласкѣ природы, весь во власти еще неизвѣданной прелести новыхъ и дивныхъ впечатлѣній, подхваченный какой-то невѣдомой, могучей теплой волной, которой онъ беззавѣтно отдавался съ томнымъ и сладкимъ восторгомъ, чувствуя, что она поднимаетъ его куда-то ввысь, несетъ его къ какому-то далекому, счастливому берегу.

Мысли о будущемъ матеріальномъ благополучіи теперь въ головѣ Сеньки какъ не бывало. Да и вообще мыслей не было. Царило непосредственное чувство, и необычайно ярки и тонки стали все ощущенія.

Легкій вѣтерокъ лобзалъ лобъ и щеки, свѣжій, душистый и тихій, и шепталъ на ухо необыкновенныя, мало понятныя и прекрасныя рѣчи. Шептались о чемъ-то и вершины деревьевъ, точно рассказывая чудесныя, старыя сказки.

Сенька прошелъ всю аллею до конца и вдругъ очнулся. Передъ нимъ былъ домъ именно такой, какой описывала барыня: бѣлый, каменный, двухъэтажный, съ башенкой. Стоитъ въ большомъ густомъ саду, кругомъ высокій заборъ, и на аллею выходятъ каменные ворота съ узорной чугунной рѣшеткой, а надъ воротами вывѣска, точно голубая лента, шитая золотомъ.

Жутко и холодно стало вдругъ Сенькѣ, и робко и недовѣрчиво пріотворилъ онъ калитку и мимо пустой деревянной сторожевой будки, по чисто выметенной дорожкѣ, огибавшей широкой, обсаженный деревьями, дворъ, съ куртеной и фонтанами посрединѣ, направился къ крыльцу.

По широкимъ каменнымъ ступенямъ поднялся онъ къ дубовымъ дверямъ, съ любопытствомъ остановилъ взоръ на темныхъ рѣзныхъ львиныхъ мордахъ со вдѣтыми въ нижнюю губу бронзовыми кольцами и, собравшись съ духомъ, что было силы нажалъ пуговицу духового звонка.

Дверь, какъ показалось ему, отворилась моментально, точно кто-то давно стоялъ сзади и только ждалъ случая ему отворить.

Моментально же чья-то сердитая и сильная рука закатила ему здоровую затрещину и почти одновременно неизвѣстно кому принадлежащая грубая, жесткая нога ударила его въ бокъ—и Сенька, прокатившись по всемъ ступенямъ, очутился внизу, лежащимъ на животѣ и съ расквашеннымъ носомъ.

Все это произошло моментально.

И такъ же моментально слетѣли съ Сеньки вся та сдержанность и благопристойность, которыя искусственно поддерживались въ немъ наставленіями и совѣтами крестнаго и собственными усилями.

Волчонокъ, выросшій въ лѣсу, въ звѣриномъ логовищѣ, съ дѣтства гонимый и травимый, много разъ переживавшій муки холода, голода и жажды, сильный и смѣлый передъ лицомъ опасности, ловкій и находчивый передъ вызовомъ врага, не разъ дрожавшій за свою шкуру, но и умѣющій постоять за нее, — сразу сказался въ немъ.

Молніей вскочилъ онъ на ноги, не обращая вниманія на боль и ушибы, сторожкой оглядѣлся и, едва нашель и оцѣнилъ непріятеля,—пріотскій сторожъ еще стоялъ на крыльцѣ съ краснымъ отъ гнѣва лицомъ, — какъ, сжавъ кулаки и пригнувшись къ землѣ, онъ уже кинулся на него и ударилъ его, пустивъ въ ходъ свой любимый, много разъ испытанный, приемъ—съ размаху въ животъ головой, отъ котораго сторожъ свалился навзничь.

Градъ ругательствъ посыпался на Сеньку.

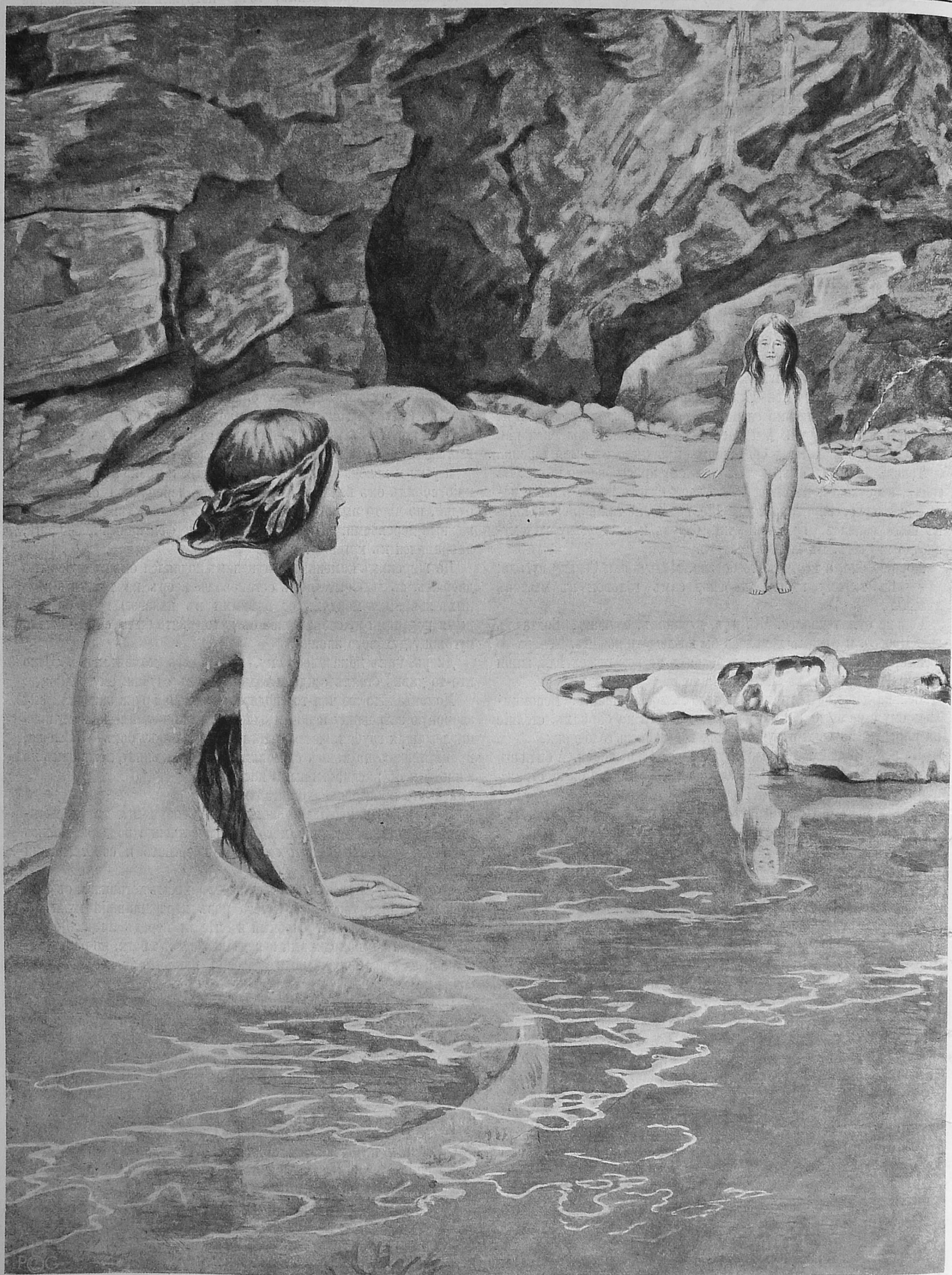
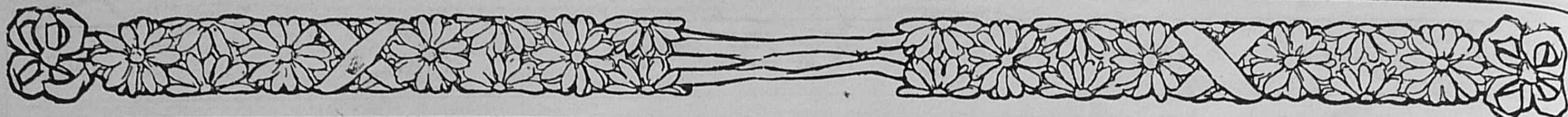
Съ бранью и ворчаньемъ сторожъ сталъ подниматься.

Но не таковъ былъ Сенька, чтобы отступитъ, не разбивъ окончательно непріятеля и не заставивъ его сознать себя побѣжденнымъ.

Очевидно, сторожъ не понималъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и Сенька немедленно рѣшилъ, что слѣдуетъ тотчасъ же дать ему новый урокъ.

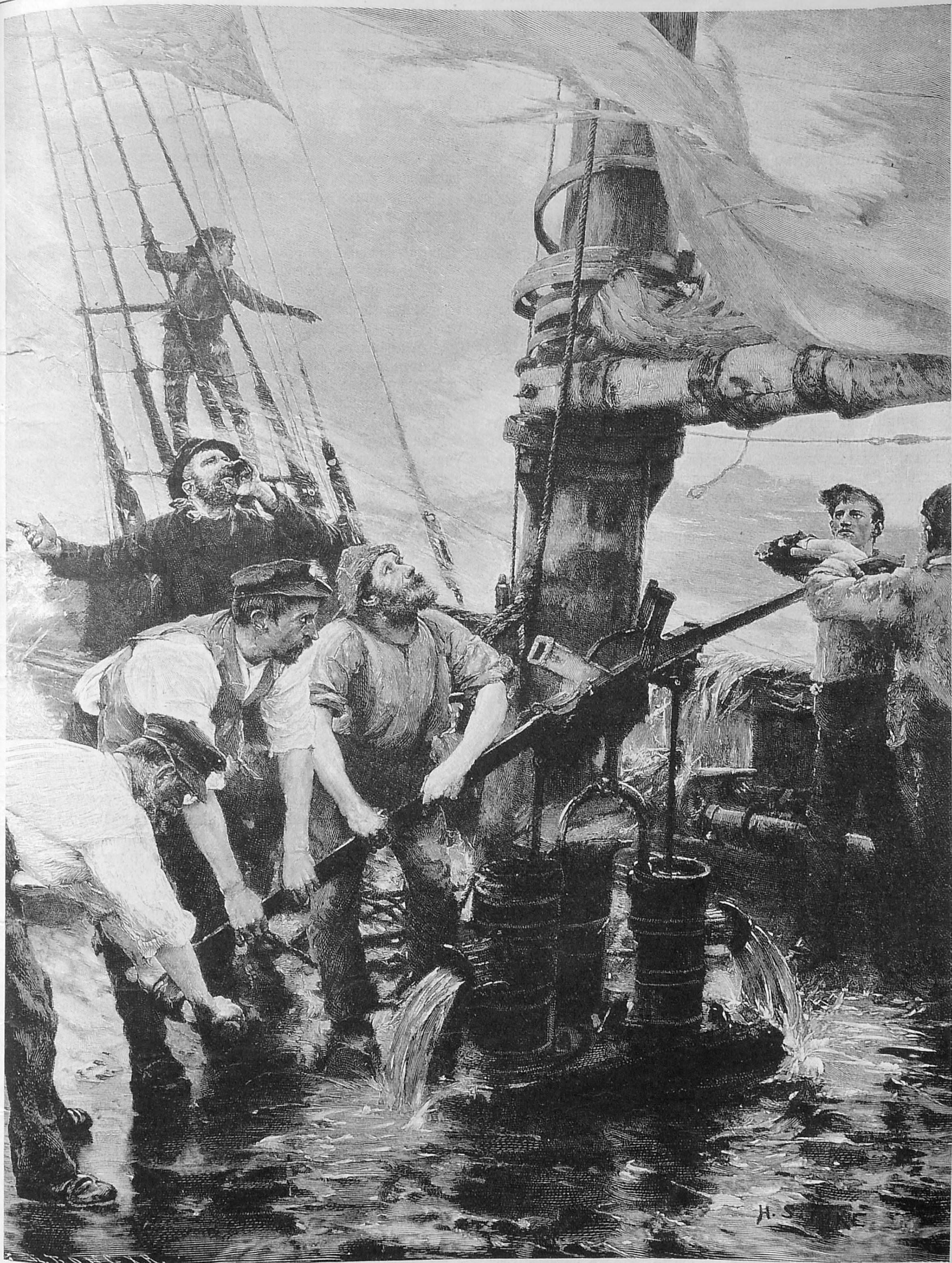
Ястребомъ налетѣлъ онъ на побѣжденнаго врага, усеѣлся на него верхомъ и, молча, съ полукрытыми глазами, съ твердо стиснутыми зубами, принялся наносить ему удары кулакомъ по чему попало.

Руки сторожа тоже не оставались въ бездѣйствіи. Онѣ щипали, царапали, давили и били мальчишку. Нѣкоторые удары

И. Колѣ.
Русалка.

Г. Тукэ.
Терпять бѣдствіе.

были такъ чувствительны, что у Сеньки занимался духъ, и вдругъ непроизвольно широко раскрывался ротъ, ловя воздухъ. Но Сенька не издавалъ ни звука. Еще дѣтскія, худенькія, костлявыя, но мускулистыя и выносливыя руки его поднимались и опускались мѣрно, настойчиво и неустанно.

Сторожъ наконецъ понялъ, что онъ имѣетъ дѣло съ серьезной величиной, съ противникомъ, достойнымъ уваженія, упорнымъ и безпощаднымъ, котораго нельзя утратить и котораго, пожалуй, не сломить.

И тутъ же сторожъ наконецъ разглядѣлъ, что это не свой, — со своимъ онъ бы скоро справился, — а чужакъ, неизвѣстно, какъ очутившійся здѣсь и напавшій на него. Въ пылу борьбы онъ уже не помнилъ мелкихъ подробностей, не помнилъ и затрешины, которой онъ привѣтствовалъ Сеньку. Ему рисовалось нападеніе хулигановъ, экспроприаторовъ, чудились воры и разбойники.

Уставшія, затекшія отъ лежанья на спинѣ руки оборонялись лѣниво и вяло, наконецъ совсѣмъ опустили, — сторожъ созналъ, что ему не осилить хулигана, и сталъ отчаянно звать на помощь.

— Караулъ! Рѣжутъ! Воры! Грабители! Рѣжутъ! — сильнымъ воплемъ пронеслось по пустынному двору, по дремлющимъ аллеямъ стараго парка.

— Молчи, дьяволъ! — прохрипѣлъ Сенька.

Чуткій, никогда не обманывавшій его инстинктъ подсказывалъ ему, что пора, надо бросить, и Сенька, переставъ колотить сторожа, выжидалъ момента, чтобы можно было безопасно ретироваться. Раза два онъ уже вбокъ посмотрѣлъ на непритворенную парадную дверь, намѣчая путь къ отступленію.

Но опоздалъ Сенька.

Гдѣ-то наверху слышались торопливые, тяжелые, шаги... Сенька сорвался съ мѣста, какъ раненый звѣрь, прыгнулъ къ двери, распахнулъ ее...

Какая-нибудь одна минута — и онъ однимъ прыжкомъ перемахнулъ бы ступени крыльца, вихремъ вынесся бы за калитку — и нищи вѣтра въ полѣ.

Распахнулъ дверь Сенька, и носъ къ носу столкнулся съ ражымъ чернобородымъ мужикомъ въ красной шерстяной фуфайкѣ, въ бѣломъ фартукѣ и съ мѣдной бляхой на клеенчатомъ картузѣ.

Холодокъ пробѣжалъ по Сенькиной спинѣ. Къ дворникамъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ онъ чувствовалъ страхъ и уваженіе. По двумъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что, по разумѣнію и житейскому опыту Сеньки, они на то и поставлены, чтобы бить, „поливаться“, какъ принято было выражаться въ той средѣ, гдѣ вращался Сенька; а во-вторыхъ, потому, что бить они умѣютъ и бьютъ такъ, что мое почтеніе, — городovýmъ развѣ которымъ, можетъ, еще уступать, а ужъ больше никому.

— Только не поливай! — вырвалось у Сеньки.

Но грубая и сильная рука уже рванула его за ухо, она же дала ему щелчокъ въ лобъ, отъ котораго у Сеньки позеленѣло въ глазахъ, и градомъ сразу посыпались слезы.

— Чужой, не нашъ, — хрипѣлъ сзади сторожъ. — Поди, онъ еще и не одинъ.

— И то не нашъ! — удивился дворникъ. — Это еще откуда принесло? Не иначе, черезъ заборъ въ паркѣ перелѣзъ, я отъ воротъ не отлучался.

— Пусти!.. — крикнулъ Сенька и попробовалъ выдернуть свою тщедушную ручонку изъ могучей лапы дворника.

— Ну, цыцъ у меня! — прикрикнулъ тотъ. — Ишь, рвань какая! Вориска, небось.

— Ничего я не бралъ, — поспѣшилъ оправдаться Сенька. — Ничего не бралъ, вонъ спросите у него.

И онъ обернулся къ сторожу.

Но въ передней былъ уже не одинъ сторожъ.

Стояли еще какіе-то люди въ сѣрыхъ пиджакахъ и зеленыхъ фартукахъ, а сверху, по широкой, устланной пестрымъ ковромъ, лѣстницѣ спускался важный баринъ въ крахмальномъ бѣльѣ, въ сюртукѣ и при часахъ.

Сенька, который обладалъ способностью даже въ самыя тяжелыя минуты въ своей жизни не лишаться дара наблюдательности, которымъ одарила его природа, тотчасъ же принялъ къ свѣдѣнію, что волосы у него подстрижены ежомъ и, надо думать, подкрашены, потому что такихъ черныхъ волосъ въ сочетаніи съ

такимъ старымъ лицомъ Сенькѣ встрѣчать что-то не доводилось; жидкую и тоже очень черную бородку барина Сенька назвалъ про себя нѣмецкой, про усы же подумалъ:

„Пробожникомъ какимъ запустилъ!“

И подивился на лаковые блестящіе сапоги:

„Важнецки вычищены; который олухъ чистилъ, три пота спустилъ“.

— Вѣчно у васъ скандалы! — громко сказалъ господинъ. — Это изъ чьего отдѣленія?

— Не нашъ это, — въ одинъ голосъ сказали люди въ сѣрыхъ пиджакахъ.

— Хулиганъ! — рѣшительно отозвался дворникъ. — Поди, еще и укралъ чтѣ.

— Воръ и есть, — поддержалъ сторожъ. — Какъ только онъ у меня часы не сволокъ!..

— Врешь! — запальчиво крикнулъ Сенька.

— Затворите дверь! — сердито приказалъ господинъ. — У васъ вѣчно всѣ двери настежь, всѣ скандалы на улицу выносите, и отъ сквозняка не знаешь, куда дѣваться.

Двери заперли.

И хотя дворникъ теперь ужъ не держалъ Сеньку за руку, мальчикъ сразу упалъ духомъ. Онъ почувствовалъ себя въ плѣну, и дикій, испуганный взглядъ его безпокойно заметался въ обширной передней съ дубовыми вѣшалками, съ огромнымъ зеркаломъ въ тяжелой рѣзной рамѣ, съ каминомъ, въ которомъ, медленно умирая, рдѣли послѣдніе догоравшіе уголки, по лицамъ этихъ чужихъ, столпившихся вокругъ него, враждебныхъ ему людей.

— Воръ и есть! — сердито ворчалъ сторожъ. — Ежли бъ ты не былъ воровомъ, зачѣмъ бы тебѣ въ домъ лѣзть? Какой ловкій! А! Изъ молодыхъ да ранній. Его обыскать надо, на немъ непременно что-нибудь есть... Онъ меня убить хотѣлъ...

— Врешь! — еще запальчивѣе крикнулъ Сенька. — Я бы тебя пальцемъ не тронулъ. Ты первый началъ.

— Молчать! — крикнулъ господинъ. — Зачѣмъ ты здѣсь очутился?

Тутъ только Сенька вдругъ вспомнилъ про письмецо въ голубенькомъ конвертѣ.

Онъ сунулъ руку за пазуху, развернулъ рваный газетный листокъ, при чемъ уронилъ на полъ комитетскую бумагу, и протянулъ господину письмо доброй барыни.

Бумагу съ пола поднялъ одинъ изъ сѣрыхъ пиджаковъ и почтительно подалъ ее господину.

Тотъ уже пробѣжалъ письмо, заглянулъ въ бумагу и то и другое сунулъ въ карманъ брюкъ и, сердито оглядѣвъ Сеньку, сказалъ:

— Ты какъ же смѣлъ лѣзть съ параднаго крыльца, да еще драться?

Сенька подумалъ о широкихъ каменныхъ ступеняхъ, о стеклянномъ навѣсѣ надъ ними, о львиныхъ мордахъ съ бронзовыми кольцами на черныхъ полированныхъ дверяхъ. Что-то не помнилъ Сенька, чтобы ему приходилось когда-нибудь въ жизни входить въ такія двери, и онъ тотчасъ же понялъ, что онѣ не про него писаны, и созналъ свою вину. Надежда и желаніе оправдаться немедленно заслонили въ немъ чувство страха, и онъ бойко отвѣтилъ:

— Я вѣдь не къ себѣ пришелъ, чтобы мнѣ у васъ всѣ двери знать. Вижу — дверь, и вошелъ себѣ, какъ къ путнымъ, а этотъ старый песъ бросился на меня, какъ бѣшенный. Еще воровомъ называетъ. Какой я тебѣ воръ? Я у тебя ничего не укралъ. А вотъ накопалъ я тебѣ по первое число — это вѣрно. Гляди, къ вечеру рожа-то распухнетъ въ воздушный шаръ.

— Такъ вотъ какъ ты поговариваешь, голубчикъ! — сказалъ господинъ.

— Ишь, стервецъ! — отозвался сторожъ. — И откуда только такіе каторжники берутся? Точно у насъ своихъ мало. Теперь еще этого прислали. Я, Андрей Ивановичъ, терпѣть униженіе не согласенъ. Этакій прыщъ и такъ со старшими разговариваетъ.

— Ничего, укротится, — отвѣтилъ господинъ.

Потомъ онъ обернулся къ Сенькѣ и, строго и внушительно, разставляя каждое слово по слогамъ, произнесъ:

— Ты принятъ въ убѣжище. Съ этого момента ты не принад-

лежишь себѣ. Ты обязанъ безпрекословно подчиняться. Безпрекословно. За мной!

Сенька поднялся вслѣдъ за господиномъ по лѣстницѣ.

Она упиралась въ широкой и свѣтлый коридоръ, покрытый линолеумомъ. Впереди видна была стеклянная дверь на балконъ. Справа въ растворенныя двери Сенька увидѣлъ залу съ блестящимъ паркетнымъ поломъ, съ портретами высокопоставленныхъ особъ въ золоченыхъ рамахъ, съ малиновыми бархатными стульями вдоль бѣлыхъ подъ мраморъ стѣнъ. Слева былъ кабинетъ директора съ тяжелой дубовой мебелью, съ книжными шкапами и съ письменнымъ столомъ посрединѣ, на которомъ Сенька увидѣлъ множество интересныхъ игрушекъ.

Люди въ сѣрыхъ пиджакахъ встали по сторонамъ двери. Андрей Ивановичъ опустился въ кресло передъ письменнымъ столомъ, а Сенька всталъ противъ него.

— Глади мнѣ прямо въ глаза! — приказалъ Андрей Ивановичъ.

Сенька закинулъ голову и вытаращилъ глаза.

Андрей Ивановичъ разгладилъ на столѣ комптетскую бумагу и нагнувъ въ нее, спросилъ:

— Какъ тебя зовутъ?

Сенька тряхнулъ головой и бойко отвѣтилъ:

— Семень Яковлевъ.

— А отца какъ звали?

— Сказано, Яковомъ!

— Фамилія твоя какъ?

— Говорилъ вѣдь ужъ: Яковлевъ.

— Вѣроповѣданія какого?

— Говорятъ, православнаго.

— Да ты-то какого?

— Мнѣ што, мнѣ все равно.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Одиннадцать.

— Читать умѣешь?

— Не бойсь, не проведешь, грамотный.

— И писать умѣешь?

— Имя и фамилію подмахнуть могу, а больше не умѣю.

— Молитвы знаешь?

— Вотчу, бывало, читалъ, да забылъ.

— Теперъ иди въ баню, — сказалъ Андрей Ивановичъ.

— Въ баню я не пойду, — отвѣтилъ Сенька.

— Какъ не пойдешь, когда я тебѣ приказываю?

— Мало чего ты будешь приказывать. Мнѣ, братъ, баня не надобна. Мы съ крестнымъ третѣва дни въ банѣ были, вотъ какъ парились, небу жарко!

— Не разсуждать! Иди за ними.

Андрей Ивановичъ указалъ на людей въ сѣрыхъ пиджакахъ:

— Это надзиратели, ты обязанъ ихъ слушаться.

— Держи карманъ шире! — отвѣтилъ Сенька. — Очень мнѣ нужны такіе хулиганы.

— Уведите его! — приказалъ Андрей Ивановичъ.

Одинъ изъ надзирателей сдѣлалъ шагъ по направленію къ Сенькѣ.

Но Сенька обошелъ кругомъ столъ и очутился за спиной у Андрея Ивановича.

Въ лицѣ его, за минуту передъ тѣмъ спокойномъ и яснымъ, опять появилось выраженіе запуганнаго, затравленнаго звѣрка, глаза загорѣлись недобримъ огонькомъ, взглядъ забѣгалъ, заматался...

Сенькѣ вдругъ стало до боли жаль крестнаго, жаль сырыхъ и грязныхъ угловъ, въ которыхъ они ютились послѣднее время, жаль подвальныхъ жильцовъ, ихъ ребятшекъ, съ которыми они дружили, жаль людныхъ и шумныхъ улицъ, граммофона въ соедѣней чайной, церковной паперти, на которой всегда можно было настрѣлять мѣдяковъ, — жаль всего, что осталось назади, что стало дорого, близко и мило. И въ то же время все, что видѣлъ сейчасъ Сенька кругомъ себя, показалось ему противнымъ, враждебнымъ и грозющимъ ему гибелью.

Отвратителенъ былъ этотъ чистый, блестящій полъ, непривѣтливый и холодный были эти высокія, красивыя, почему-то напоминавшія тюрьму, стѣны. Но особенно противны были лица Андрея Ивановича и надзирателей.

— Убѣчь я отъ васъ хочу, — сказалъ Сенька. — Ей-Богу, право. Я думалъ, у васъ просто, а вижу — народъ вы аховый.

— Не разсуждать! — сердито оборвалъ Андрей Ивановичъ.

— Дяденька, — просительно сказалъ Сенька: — пусти-ка ты меня домой. Я съ крестенькимъ прощусь. А? На што я тебѣ? Нонче день все равно пропалъ. Я бы къ вечеру назадъ обернулъ, вотъ-те крестъ обернулъ бы. Ей-Богу!

— Нѣтъ ужъ, голубчикъ, не выцарапашься отсюда, — сердито и, какъ показалось Сенькѣ, насмѣшливо отвѣтилъ Андрей Ивановичъ. — Вотъ недѣльки черезъ двѣ, если будешь ни въ чемъ не замѣченъ, бальникъ представишь безъ двоекъ, по поведенію получишь отлично — мы тебѣ дадимъ отпускъ, да и то одного не пустимъ, съ дядькой пойдешь. Понялъ?

Андрей Ивановичъ говорилъ внушительно, съ разстановкой и совершенно искренно желалъ, чтобъ Сенька его понялъ, но все въ его рѣчи было чуждо Сенькѣ. Въ ней онъ уловилъ только злобную насмѣшку и наглое издѣвательство надъ нимъ. Что же это такое въ самомъ дѣлѣ? Выходитъ, что онъ теперь въ тюрьму попалъ.

Нешто можно человѣка силой, здорово живешь, въ неволѣ держать? Еще добрая барыня говорила, что ему тутъ хорошо будетъ.

Сенька рѣшилъ отстоять свою свободу.

— Да што вы, белены объѣлись? — горячо запротестовалъ онъ. — Нешто я продался вамъ? А коли ежели я жить у васъ не хочу? Ловкіе вы, я вижу. Чуть человѣкъ къ нимъ посунулся, а у нихъ ужъ и хомутъ готовъ. Не на такого напали. Не хочу я у васъ оставаться — вотъ и весь сказъ. Не идравится мнѣ у васъ, къ крестному пойду!

— Я съ тобой, голубчикъ, тогда иначе поговорю! — очень тихо, но такъ грозно промолвилъ Андрей Ивановичъ, что Сенька почувствовалъ себя такъ, какъ-будто ему грозила смертельная опасность.

— Уйду, убѣгу! — не своимъ голосомъ, грубо и дерзко закричалъ онъ.

И, изогнувшись, склонивъ голову внизъ, бросился впередъ.

— Уберите его! — приказалъ Андрей Ивановичъ.

Одинъ изъ надзирателей поймалъ Сеньку за ухо. Другой, растопыривъ руки, приготовился схватить его.

Но Сенька былъ ловокъ, силенъ и увертливъ, а во время борьбы эти качества въ немъ удесятерились. Онъ, не обращая вниманія на боль, что силы мотнулъ головой и освободилъ свою руку, перевернулся, далъ подножку тому надзирателю, который держалъ его, проскользнулъ подъ мышкой у другого и, съ вызывающимъ видомъ и горящими глазами, отступилъ за письменный столъ и ждалъ.

— Ну, и шельма! — сказалъ одинъ изъ надзирателей.

— Ты, что же это, шутить съ нами вздумалъ? — такъ же тихо и грозно спросилъ Андрей Ивановичъ, и лицо его стало совсѣмъ сѣрымъ и страшнымъ, и глаза съ ненавистью остановились на Сенькѣ.

Такъ по крайней мѣрѣ казалось Сенькѣ.

— А вотъ я тебѣ покажу, какъ я шучу! — дерзко отвѣтилъ Сенька.

Онъ уже давно отмѣтилъ на столѣ нѣкоторые предметы и сдѣлалъ имъ оцѣнку.

Почти все можно было не безъ выгоды продать, кое-что заложить. Но самымъ цѣннымъ въ глазахъ Сеньки являлось то, что могло служить оружіемъ. Къ оружію онъ питалъ страсть, всегда ощущалъ настоящую нужду въ немъ, а въ данный моментъ эта нужда была особенно острой. Двѣ вещи на этомъ столѣ сами просились подъ-руку: пятнадцати-фунтовая гиря, которой любилъ упражнять мускулы рукъ Андрей Ивановичъ, и старинный дамасскій клинокъ, служившій для разрѣзыванія бумагъ, съ короткой серебряной рукоятью.

Настойчивая и сильная мысль у Сеньки обыкновенно тотчасъ же претворялась въ дѣло. Прежде чѣмъ кто-либо изъ присутствующихъ спохватился, Сенька уже держалъ въ правой рукѣ клинокъ, въ лѣвой гирю.

— А ну, кто на меня? Пшоль, мальчикъ! — вырвался у него торжествующимъ крикомъ хищной птицы тотъ кличъ, какой бросали другъ другу мальчишки и хулиганы, готовясь къ бою.

Андрей Ивановичъ побѣлѣлъ, вскочилъ съ кресла и подвинулся къ надзирателю.

Н. Самокишъ. Дѣло при Молевомъ болотѣ (26 іюля 1812 г.).

Сенька замѣтилъ, какъ вздрагивали его щеки и нижняя губа, и смѣшно и странно запрыгала лѣвая бровь.

— Что стоите? — прохрипѣлъ онъ надзирателямъ. — Хватайте его!

Тѣ сдѣлали нѣсколько неуверенныхъ шаговъ по направленію къ Сенькѣ и попятились, когда онъ двинулся имъ навстрѣчу.

Онъ вышелъ изъ-за стола. Теперь онъ не нуждался въ прикрытіи и готовъ былъ сойтись съ врагомъ лицомъ къ лицу.

— Ишоль, мальчикъ! Сыпь! — вторично вырвался изъ его груди привычный знакомый бодрящій кличъ.

Онъ совершенно забылъ, гдѣ онъ находится, что было, что будетъ, что ждетъ его, что готовить онъ другимъ, — ни о чемъ подобномъ онъ не думалъ. Ни сзади ни впереди ничего не было.

Былъ только одинъ короткій, крохотный моментъ, такой короткій, такой крохотный, что, вотъ еще одинъ мигъ — и онъ исчезнетъ. Но короткій и крохотный, онъ былъ значительности неизмѣримой, важности чрезвычайной для него, Сеньки. Сенькина жизнь билась и трепетала на какой-то тонкой и легкой, какъ паутинка, ниточкѣ, и, чтобъ эта ниточка не оборвалась, Сенькѣ нужны были вся его сила, вся его храбрость.

Какіе-то яркіе, похожіе на большіе новые серебряные рубли, круги ходили и вертѣлись у него передъ глазами. За этими кругами Сенька ничего не видѣлъ. Не видѣлъ онъ, какъ нажималъ Андрей Ивановичъ пуговицу звонка, какъ вбѣжало въ кабинетъ еще нѣсколько сѣрыхъ пиджаковъ въ зеленыхъ фартукахъ. Ничего не видѣлъ Сенька.

Онъ стоялъ воинственный, вызывающій и дерзкій, выставивъ правую ногу впередъ, присѣвъ на твердо поставленную лѣвую, которая должна была служить главной опорой всему его тѣлу, съ грудью, выдвинутой впередъ, съ головой, закинутой назадъ, и обѣ руки его, поднятыя вверхъ, размахивали своимъ оружіемъ, готовые разить и наносить удары.

Не видѣлъ онъ, какъ, пригибаясь къ землѣ, пробрались двое надзирателей за его спину и остановились безмолвно, подстерегая удачную минуту. И внезапно сзади схватили его чьи-то сильныя руки, кто-то вскрикнулъ, оцарапанный клинкомъ, кого-то онъ успѣлъ ударить гирей, но спереди на него навалились еще трое, обезоружили его, повергли на землю.

Но и тутъ Сенька не сразу уступилъ. Онъ вывертывался, катался по полу, царапался, щипался, кусался и, въ чаду борьбы, оставался равнодушнымъ, безчувственнымъ къ пощечинамъ, подзатыльникамъ и ударамъ кулаками, которые сыпались на него.

Только серебряные круги передъ глазами становились все больше, все ярче, и нельзя было изъ-за нихъ разглядѣть, сколько человѣкъ било и кто билъ сильнѣй.

И тогда только разошлись эти круги, и сталъ Сенька яснѣе видѣть, когда хлынули у него изъ глазъ двумя неудержимыми, бурными потоками обидныя, горькія, полныя мучительнаго стыда слезы, мѣшаясь съ кровью, струившейся по расцарапанной щекѣ и капавшей изъ разбитаго носа на его ветхую миткальную рубашку.

Тогда же Сенька увидѣлъ, что онъ лежитъ связанный по рукамъ и ногамъ, безпомощный и жалкій, усмиренный и побѣжденный, на жесткомъ, блестящемъ паркетномъ полу; онъ зарыдалъ отчаянно, громко и страстно, полный безутѣшнаго страданія и испытывая при каждомъ рыданіи мучительную боль въ груди и спинѣ отъ перенесенныхъ побоевъ.

И такъ беспросвѣтно тяжело, такъ мучительно, безотрадно, такъ безнадежно темно и такъ страшно пусто стало въ душѣ Сеньки, точно все умерло въ немъ, точно все сожжено было какимъ-то жгучимъ, сухимъ и тлетворнымъ вихремъ, что ко всему уже былъ равнодушнымъ Сенька.

Безучастнымъ былъ онъ, когда надзиратели подняли его и понесли.

И никакого впечатлѣнія не произвелъ на него отданный имъ Андреемъ Ивановичемъ приказъ:

— Выпороть и въ карцеръ до распоряженія!
Такими обстоятельствами сопровождалось вступленіе Сеньки въ благодѣтельное убѣжище: „Взысканія погибшихъ“.

III.

Настала ночь.

Она настала для Сеньки внезапно, сразу, среди бѣла дня,

какъ только захлопнулась дверь карцера. Сенька очутился въ непроницаемомъ, холодномъ мракѣ.

Онъ безпомощно опустился на полъ, гладкій и тоже холодный, и впалъ не то въ забытье, не то въ тяжелую дремоту.

Казалось ему, что онъ видѣлъ дурной и страшный сонъ, и до того представлялось невѣроятнымъ и ужаснымъ все то, что произошло, что даже боль въ груди и ноющія, избитыя спина и плечи не могли его заставить повѣрить въ дѣйствительность пережитаго.

Долго сидѣлъ такъ Сенька, тупо-равнодушно, застывшій, погруженный въ болѣзненную дремоту, не думая, не соображая и только смутно чувствуя, что у него болятъ и тѣло и душа.

Постепенно онъ пришелъ въ себя, почувствовалъ, что озябъ, и поднялся съ полу. Широко раскрылъ онъ глаза, стараясь хоть что-нибудь разглядѣть, но ничего не было видно. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и вплотную подошелъ къ стѣнѣ, такой же холодной и такой же гладкой, какъ и полъ. Проводя рукой по стѣнѣ, онъ пошелъ дальше, уперся въ уголъ и обошелъ такъ всѣ четыре стѣны маленькой квадратной каморки. Потолокъ, — онъ чувствовалъ, — уходитъ далеко въ высоту, и, должно-быть, онъ такой же гладкій и холодный, и Сенькѣ казалось, что съ него несетъ на него холодомъ, а мракъ вверху точно еще гуще и скрываетъ въ себѣ что-то нечеловѣчески-ужасное, чудовищное и злобное.

Сердце у Сеньки забилося, и капельки холоднаго пота выступили на внезапно остывшемъ, какую-нибудь минуту тому назадъ разгоряченномъ, лбу и на стучавшихъ вискахъ. Инстинктивно онъ закрылъ глаза и нѣсколько минутъ стоялъ неподвижный, подавленный, въ предвкушеніи какого-то невѣдомаго, надвигающагося на него ужаса, и почему-то, пока онъ стоялъ такъ, ничего не видя и только испытывая чувство непобѣдимаго, безпричиннаго страха, слухъ его обострился до чрезвычайности, и всѣ шумы и шорохи, казалось, не могли укрыться отъ него. Кто-то прошелъ у него надъ головою, должно-быть, въ верхнемъ этажѣ, и онъ сосчиталъ шаги и отмѣтилъ ихъ характерныя особенности. Гдѣ-то очень далеко долго звенѣлъ, надрываясь, всхлипывая, плача и заливаясь, колокольчикъ. Кто это звонилъ и зачѣмъ? Или это только показалось ему и звенить у него въ ушахъ?

Потомъ все стихло, и напрасно Сенька вопрошалъ тишину.

Все точно умерло.

Сенька опять открылъ глаза и опять обошелъ вокругъ своей тюрьмы. Теперь онъ понялъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ. Онъ искалъ постели, скамейки, стула, табуретки, чего-нибудь, гдѣ бы можно было притулиться и отдохнуть. Но все было пусто, и Сенькѣ стало понятно, что за чудовище угнетало его въ этомъ холодномъ мракѣ.

Это была пустота. Ничто.

Тогда Сенька пересталъ бояться. Онъ почувствовалъ себя опять смѣлымъ и мужественнымъ. Теперь сердце его забилося уже не отъ страха. Оно рвалось на волю, и Сенька рѣшилъ не сдаваться и во что бы то ни стало отвоевать свободу. Онъ нашелъ дверь карцера и искалъ на ней замка или ручки. Но она была вся гладкая, и, когда онъ постучалъ въ нее, она издала глухой, недобрый звукъ.

— Французскій замкъ, — рѣшилъ Сенька.

Онъ между прочимъ считалъ себя знатокомъ и въ замкахъ. Это соображеніе практическаго и дѣловаго характера вызвало въ Сенькѣ цѣлый рядъ новыхъ представленій и отвлекло отъ тяжелой дѣйствительности.

Ясно, какъ Божій день, что надо бѣжать отсюда. А вотъ какъ? Этого сразу не выдумаешь. Дѣло это надо хорошо обмозговать. Торопиться съ этимъ нечего. Поспѣшишь — людей насмѣшишь. Хуже всего то, что съ голыми руками не много сдѣлаешь. Будь у него „фомка“ (ломъ) или хоть „перышко“ (ножикъ), онъ бы живо съ замкомъ справился. А вотъ нѣтъ ихъ.

Сенька съ головой ушелъ въ изысканія способовъ къ своему освобожденію. Онъ опять усѣлся на полъ. Но теперь онъ уже не думалъ ни о темнотѣ, ни о холодѣ, ни объ одиночествѣ. Даже о боли онъ позабылъ.

Сенька былъ крѣпокъ и выносливъ и умѣлъ не считаться съ физическими страданіями тамъ, гдѣ нужно было здраво и трезво обсудить положеніе. Выбраться ему отсюда самому, безъ посторонней помощи невозможно, — это онъ понялъ. Значитъ, нужно

ждать, когда его выпустят. Въдь должны же они его выпустить. Только вотъ когда? День и ночь навѣрное продержатъ. А можетъ, два дня или три. Неужели цѣлую недѣлю? Не можетъ этого быть.

Нѣтъ, его скоро выпустятъ. Ну, сегодня никто не придетъ, а завтра ужъ навѣрное кто-нибудь заглянетъ.

Вотъ тутъ-то онъ ихъ и разыграетъ. Такой казанской сиротой прикинется, что всѣхъ ихъ проведетъ. А какъ выпустятъ его, тамъ ужъ видно будетъ, что дальше дѣлать.

Эти размышленія значительно успокоили Сеньку. Теперь онъ совсѣмъ не боялся. Только очень ныло и болѣло тѣло, и такую усталость чувствовалъ онъ, что хотѣлось лечь, закутаться и заснуть.

А на полу было жестко и холодно и, какъ ни пробовалъ Сенька улечься, все было больно и неловко.

Долго ворочался онъ съ боку на бокъ, не находя себѣ мѣста. Время тянулось убійственно долго, и Сенькѣ казалось, что ужъ прошелъ день, и ужъ прошла ночь, и что вотъ-вотъ подойдутъ къ двери и отворятъ ее.

Но за дверью все было тихо. О Сенькѣ точно забыли.

И когда наконецъ дѣйствительно настала ночь, и все зданіе убѣжища погрузилось въ мертвое безмолвіе, измученный, избитый Сенька ощутилъ эту страшную, сонную ночную тишину и снова почувствовалъ себя заброшеннымъ, несчастнымъ, заживо-похороненнымъ.

Онъ съ трудомъ поднялся съ полу. Затекшія ноги едва слушались его. Доташился до двери и изо всей силы ударилъ въ нее кулакомъ. Очень больно ушибъ руку, и боль отозвалась въ плечѣ и въ боку. А дверь откликнулась какъ-то угрюмо и глухо.

Сенька приникъ къ ней головой и раздражающимъ голосомъ, что было мочи, закричалъ:

— Дяденька! Дяденька, простите меня!

Откликнулись холодныя каменныя стѣны:

— Тра-та-та! Тра-та-та! Тра-та-та-та!

Точно стая невидимыхъ птицъ вдругъ снялась съ мѣста и хлопала крыльями.

И снова все умерло.

Сенька прижался къ двери лбомъ и, собравъ всѣ свои силы, крикнулъ еще громче:

— Дяденька! Дяденька, выпустите меня!

Снова затрепетали и забились крылья невидимыхъ птицъ, и все смолкло.

Отчаянье овладѣло Сенькой. Онъ забылъ про свои планы и расчеты, онъ утратилъ всякую способность быть благоразумнымъ и терпѣливымъ. Онъ чувствовалъ невыносимую боль въ груди, въ спинѣ, въ бокахъ, ныли плечи, ныли руки и ноги, точно раскаленнымъ желѣзнымъ обручемъ была скована голова, и, когда онъ ударился ею въ дверь, звукъ показался гулкимъ и могучимъ, а головѣ не стало больнѣй.

Тогда онъ уперся руками въ дверь и сталъ биться въ нее лбомъ. И при каждомъ ударѣ онъ кричалъ, какъ ему казалось, что было силы, разрывая себѣ грудь отъ боли:

— Дяденька, простите! Дяденька, выпустите!

Но ужъ не хлопали больше, взлетая, птицы, и, безучастныя, безмолвно стояли каменныя стѣны, и въ мертвомъ молчаніи глухо билась въ дверь дѣтская голова, и думая, что кричитъ во весь голосъ, шепталъ заплетающимся языкомъ, задыхаясь и изнемогая, Сенька:

— Дяденька, простите! Дяденька, выпустите!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Стихотворенія.

Въ лѣтній день.

Медлительно проходитъ лѣтній день
Въ дремотности томительной и нѣжной.
Люблю одинъ забраться въ лѣсъ и тѣнь
Не съ строгой думой, а съ мечтой небрежной.
Не торопясь, сажусь на старый пенъ
И слушаю въ пустынности безбрежной,
Какъ лѣсъ шумить... Прохладой дышитъ сѣнь...
А въ вышинѣ толпою бѣлоснѣжной
Надъ мглой вершинъ проходятъ облака
И медленно, какъ сновидѣнья, таютъ...
Моей душой мечты овладѣваютъ:
Дѣйствительность такъ странно-далека,
Какъ-будто бы она мнѣ только снилась,
Какъ облако въ лазури, растворилась.

* * *

Лѣтняго вечера ласковымъ сумракомъ
Нѣжно овѣянь мой духъ.
Такъ безболѣзненно, кротко и радостно
День погорѣлъ и потухъ.
Небо мечтательно краски раскинуло —
Нѣжные вздохи зари.
Другъ мой, забудь все земное и тлѣнное,
Въ вѣчное небо смотри.

Видишь:—сгушаются тѣни вечернія,
Только, гдѣ солнце зашло,
Словно воздушное, голубоводное
Озеро блещетъ свѣтло...
Кажется, тамъ—изъ таинственной вѣчности,
Движась по зеркалу водъ,
Дивный корабль съ дорогими усопшими
Тихо, какъ сонъ, проплыветъ

На разсвѣтѣ.

Я разсвѣтъ встрѣчаю въ полѣ сонномъ:
Бродитъ мгла тумана по межамъ;
Рожь кадитъ дыханьемъ благовоннымъ,
И земля молитвенна, какъ храмъ.
Все кругомъ, какъ въ незажженномъ храмѣ,
Ждетъ огней и возгласовъ святыхъ,
Алтари восходятъ облаками,
Гдѣ разсвѣтъ загадоченъ и тихъ...
На востокъ смотрю я долгимъ взоромъ,
Весь овѣянь таинствомъ земли:
Заалѣлъ востокъ надъ дальнимъ боромъ,
Тѣни, дрогнувъ, къ лѣсу поползли..
Я стою въ нѣмомъ благовѣннѣ,
Освѣщенный отблескомъ зари;
И плывутъ въ священномъ облаченнѣ,
Золотомъ сверкая, алтари...

Филаретъ Черновъ.

Слѣпой.

Разсказъ Пьера Лилля.

I.

Онъ шелъ медленно, осторожно, маленькими, размѣренными шагами, положивъ руку на плечо солдата 75 пѣхотнаго полка, шагавшаго съ такой же осторожностью, то и дѣло посматривая на ноги и зорко вглядываясь въ лицо своего спутника. Голова его была слегка приподнята, глаза закрыты, выраженіе лица напряженное, полное удивленія, вниманія, какой-то боязни.

Вдали двѣ вершины Роны. Облака, съ позлащенными верхушками, покоились на болѣе высокихъ холмахъ. Между двумя холмами красивый, оригинальной архитектуры храмъ доминировалъ надъ широко-раскинувшимися садами и искусственными

лѣстницами, высѣченными въ скалѣ, до нѣкоторой * степени напоминающей собой подражаніе замкамъ, которые англичане такъ любятъ воздвигать на променадахъ фешенебельныхъ курортовъ.

Стояла глубокая осень, но въ воздухѣ не было и признака тумана. Сухой вѣтеръ едва давалъ себя чувствовать. Солнце ярко сіяло на чистомъ голубомъ небѣ, оживляя и молодя всю природу. На деревьяхъ весело чирикали птички, да и насѣкомыя еще не утомнились, несмотря на приближающуюся зиму.

— Ліонъ очень красивъ!.. — началъ солдатъ нерѣшительно, какъ бы извиняясь за нарушенное молчаніе.

— Не знаю,—отвѣтилъ другой.—Я не изъ этого округа.

хочу сказать, что, каково бы ни было ваше признаніе, я ничего не измѣню въ моемъ свидѣтельствѣ, не буду вмѣшиваться въ рѣшеніе комиссін. Съ этого момента вы свободны отъ службы. Но я хочу знать, обманула ли меня наука, которой я вѣрно служилъ половину своей жизни? Вы скажете?

— Да,—сказалъ тотъ тихо.

— Тогда скажите прямо, вы слѣпой?

Готгардъ всталъ. Въ его манерахъ произошла перемена — изъ безпомощности къ полному самообладанію. Онъ засмѣялся. Въ этомъ смѣхѣ звучала нотка торжества и полного удовлетворенія. Сдѣлавъ два твердыхъ шага по направленію стола, онъ увѣренной рукой взялъ маленькую книгу въ синемъ переплетѣ, которую докторъ тотчасъ же узналъ: „Подробныя инструкціи службы для употребленія въ пѣхотныхъ войскахъ“

Готгардъ открылъ книгу на первой страницѣ и безъ всякаго колебанія въ голосѣ, ясно произнося каждое слово, сталъ читать:

— „На дисциплину нужно смотрѣть, какъ на самый важный принципъ арміи. Прежде всего солдатъ долженъ научиться повиноваться приказаніямъ своего начальства. Повиновеніе должно быть полное, мгновенное, безъ отношенія къ мѣсту и времени. Приказы должны исполняться буквально, не колеблясь и безъ возраженій. Только лицо, имѣющее власть, отвѣтственно за нарушеніе закона, отъ подчиненныхъ же требуется только абсолютное повиновеніе“.

— Довольно!—прервалъ его докторъ.—Довольно!

Но Готгардъ продолжалъ:

— „Каждый солдатъ, будь это днемъ или ночью и даже не на службѣ, обязанъ оказывать почтеніе и уваженіе своему начальству и даже офицерамъ чужихъ полковъ“.

Слѣпой, лицо котораго сіяло теперь какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, переродившимъ и сдѣлавшимъ его почти благороднымъ, бросилъ книгу и смотрѣлъ прямо въ глаза доктору

Длинная пауза. Оба молчали.

Глаза Готгарда блеснули враждебно, почти нагло.

Докторъ выпрямился. Готгардъ опустил глаза и голову, какъ бы извиняясь.

— Мнѣ не нужна канцелярщина,—сказалъ холодно докторъ.— Я спрашивалъ васъ, какъ человекъ, а не начальство, требующее рапорта; какъ такой же человекъ, какъ и вы, который далъ честное слово уважать довѣріе, оказанное ему. Онъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ уваженія. Непорядочно ликовать и показывать свое торжество. Это достойно только труса.

Глаза Готгарда наполнились слезами.

— Я смиренно прошу извиненія,— сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, печальнымъ и въ высшей степени искреннимъ, дрожащимъ отъ избытка чувствъ.— Эта мысль меня мучитъ больше всего,—мысль, что я могъ бы оказаться трусомъ. Нѣсколько минутъ тому назадъ могло случиться, что отъ моего паденія порвутся веревки, которыми держалась сѣтка. Если бы это случилось, я бы сломалъ себѣ шею. Вы рискнули или по крайней мѣрѣ допустили рискнуть другихъ, чтобы удовлетворить любопытство ученаго. Вы хотѣли побѣдить меня. Вы были почти увѣрены, что веревки не лопнутъ. У меня было то же самое чувство. Но я все-таки упалъ, въ то время какъ вы все въ полной безопасности стояли наверху. Если бы у Франціи было хоть немного больше такихъ солдатъ, какъ я, то было бы меньше даныхъ называть насъ слабой націей. Я освободилъ себя отъ службы не потому, что я трусъ или не патріотъ, но потому, что вѣрю, что вынужденная работа никогда не дѣлается съ пользой. Если націи когда-нибудь понадобится моя жизнь, я отзовусь. Но пока она нуждается въ томъ, что я называю моимъ правомъ на свободу, я буду защищать его, рискуя жизнью.

Докторъ не отвѣтилъ.

Молчаніе. Оба смотрѣли другъ другу въ глаза. Каждому хотѣлось открыть другъ другу душу.

Каждый принесъ въ жертву личное честолюбіе, личное счастье для служенія чему-то и кому-то неизвѣстному. Но та же самая мысль останавливала ихъ: „что было бы благомъ?“

Готгардъ повернулся и направился къ двери. Докторъ перебиралъ инструменты.

Кто правъ? Ни одинъ не зналъ, не хотѣлъ вдаваться слишкомъ глубоко. Они разстались, потому что великій секретъ имъ предстояло узнать изъ самой жизни.

Подводное плаваніе.

Очеркъ и 10 иллюстрацій А. Д. Далматова.

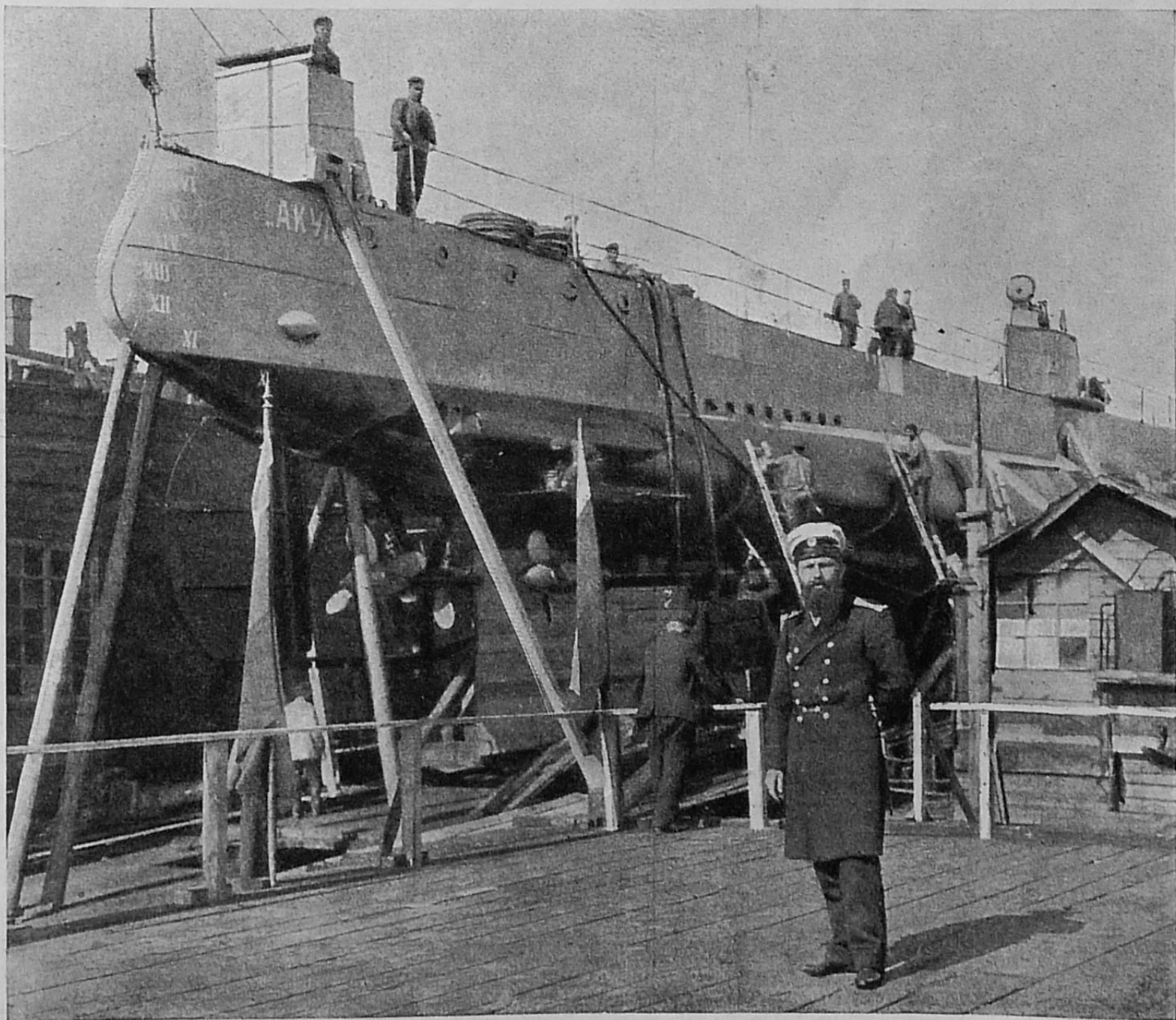
(Окончаніе).

Наиболѣе совершеннымъ типомъ подводной лодки въ настоящее время является наша „Акула“, построенная талантливымъ корабельнымъ инженеромъ И. Г. Бубновымъ. Типъ „Акулы“ можетъ выходить въ плаваніе совершенно самостоятельно, безъ сопровожденія большихъ судовъ или такъ называемыхъ „матокъ“ подводныхъ лодокъ. Эти лодки снабжены нѣсколькими двигателями Дизеля, а потому районъ ихъ плаванія значителенъ. Погруженіе производится въ 3—4 минуты. Глубину въ 150 ф. онѣ выдерживаютъ свободно, такъ какъ рассчитаны на давленіе на 300 ф. глубины. Два перископа обезпечиваютъ на случай порчи одного, такъ сказать, „зрѣчь“. Станція беспроволочнаго телеграфа даетъ возможность связи со своими кораблями, а на случай аварій, если бы лодка затонула, отъ нея отдѣляется боекъ (поплавокъ) съ весьма длиннымъ телефоннымъ проводомъ. Въ боекѣ имѣется слуховая трубка, такъ что связь затонувшей лодки съ внѣшнимъ міромъ не прерыв-

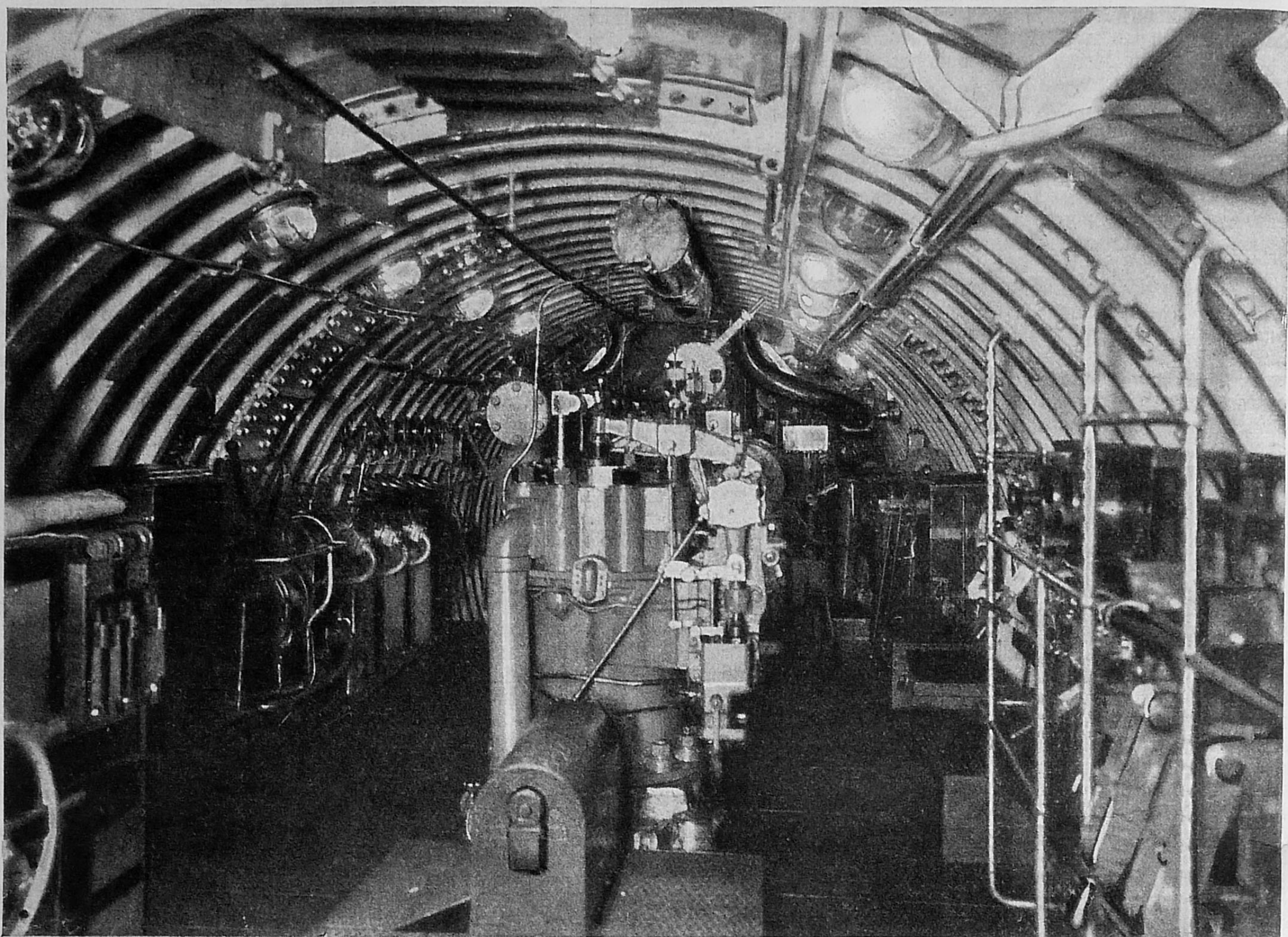
ается, если только лодка не попала на такую глубину, гдѣ давленіе воды превысило сопротивляемость стѣнокъ корпуса, или если лодка не погибла сразу вмѣстѣ со всемъ экипажемъ.

Боевыя дѣйствія подводныхъ лодокъ заключаются исключительно только въ минной атакѣ. Лодки несутъ въ себѣ отъ 3 до 12 минъ Уайтхеда. Желая атаковать непріятельскій корабль,

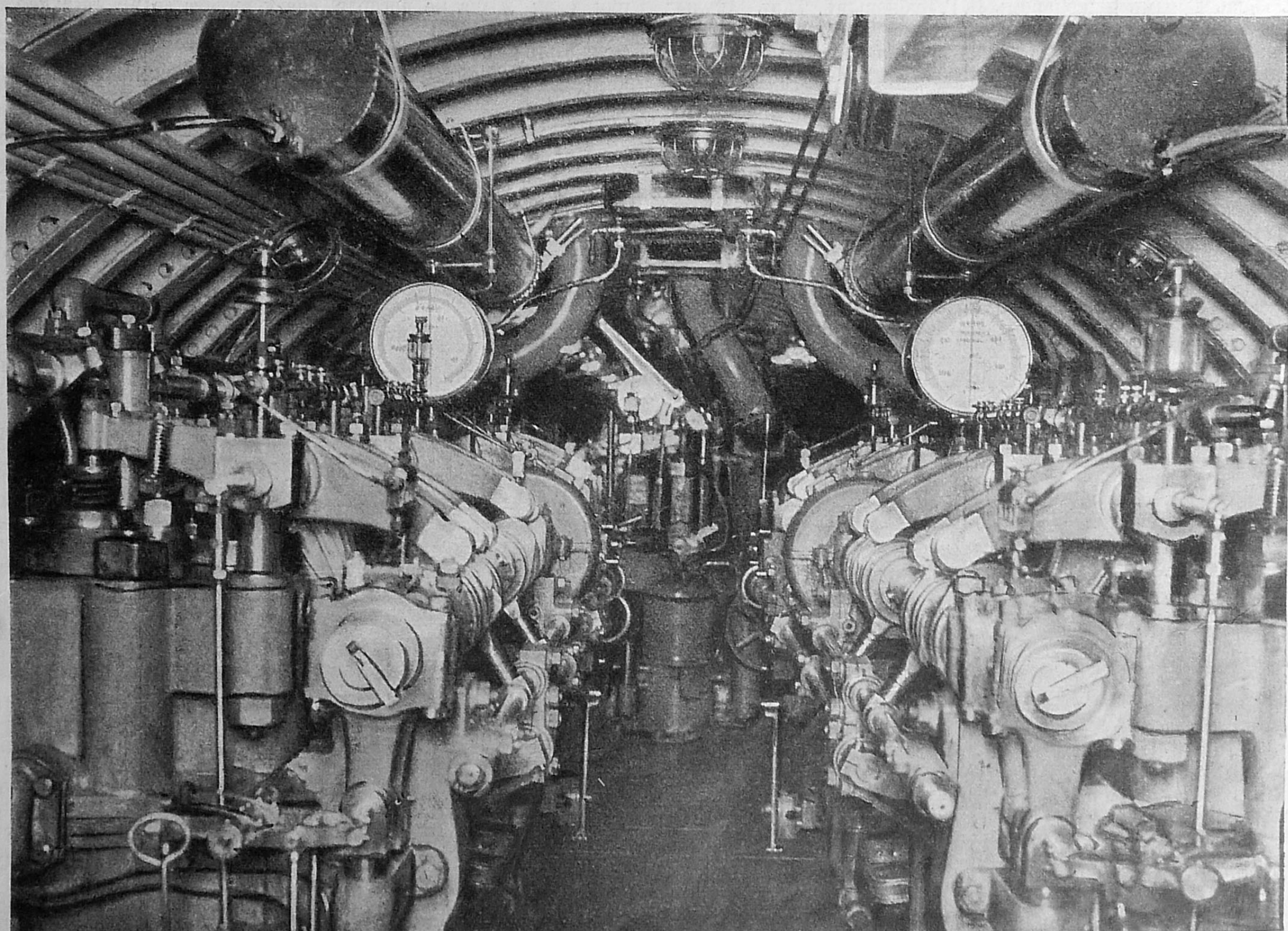
подводная лодка приближается къ нему сначала въ надводномъ положеніи (зависитъ, конечно, отъ разстоянія, которое ее отдѣляетъ), затѣмъ переходитъ въ боевое, а затѣмъ въ подводное, пlying по перископу, а затѣмъ скрывается совершенно подъ воду и идетъ по компасу, и только передъ самымъ выпускомъ мины она снова на нѣсколько секундъ поднимаетъ перископъ для окончательной оцѣнки условій, послѣ чего непосредственно слѣдуетъ выстрѣлъ миною изъ носового или бортового аппарата. Послѣ перваго выстрѣла лодка слѣдуетъ повернуть и сдѣлать еще одинъ выстрѣлъ изъ кормового аппарата, а затѣмъ

Постройка „Акулы“ и ея конструкторъ—корабельный инженеръ И. Г. Бубновъ.

Внутренность подводной лодки. Машинное отделение.

Внутренность подводной лодки. Машинное отделение, двигатель Дизеля.

взять большую глубину и стараться или скрыться, или же оставаться болѣе или менѣе продолжительное время на одномъ мѣстѣ на глубинѣ 60—70 фут., гдѣ она можетъ чувствовать себя въ полной безопасности отъ непріятельскихъ снарядовъ и судовъ, которые будутъ плавать надъ нею.

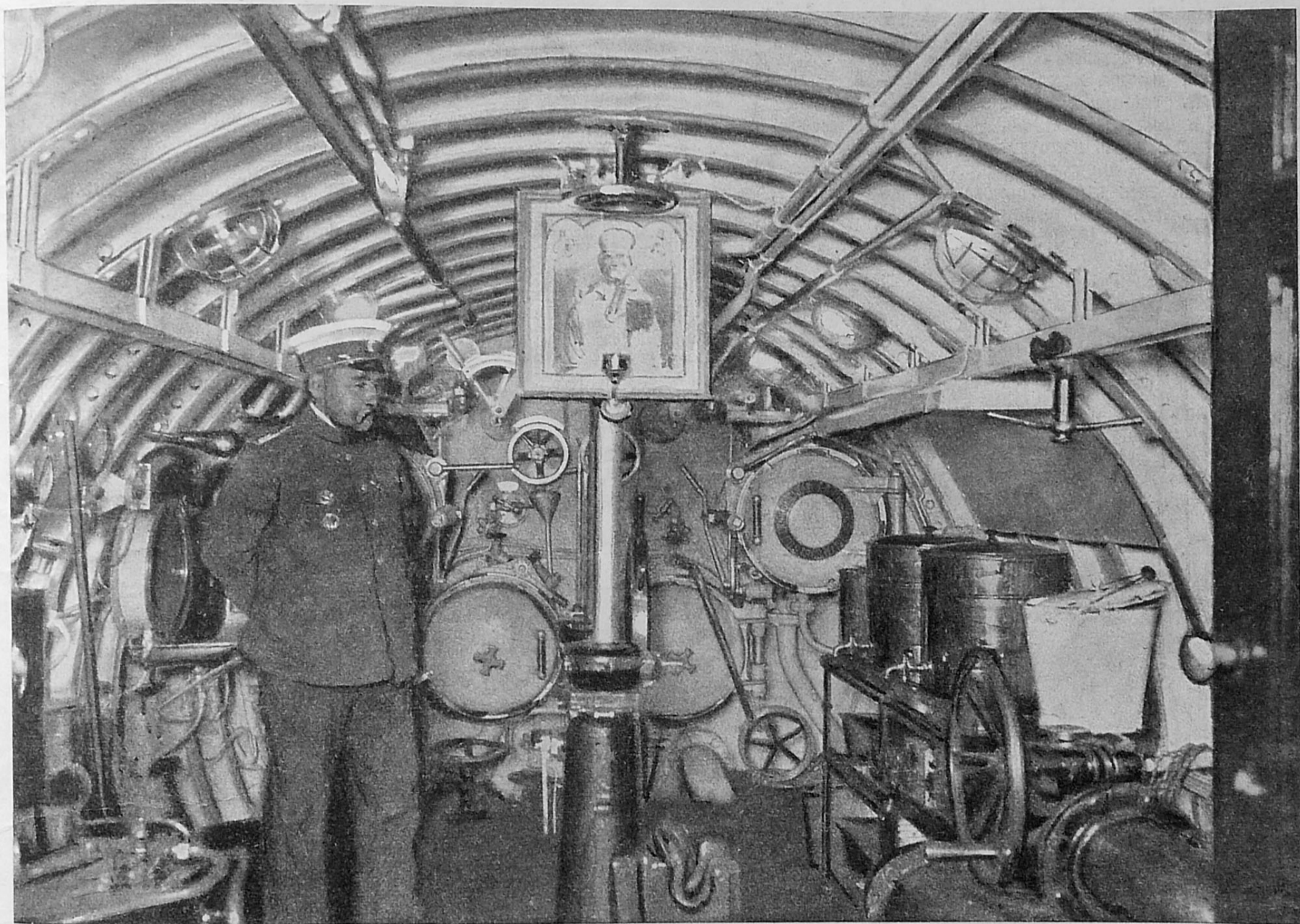
Моральное дѣйствіе выстрѣла миной съ подводной лодки, конечно, потрясающее. Это хорошо и ярко опредѣлилось при гибели нашего „Петропавловска“ и аваріи „Побѣды“. Последняя, получивъ неожиданно подводную пробойну и предполагая, что она атакована японскими подводными лодками, около получаса отстрѣливалась въ воду мелкой артиллеріей.

Еще болѣе яркій примѣръ—дѣйствія японскаго флота въ последнюю войну, когда ихъ огромный броненосецъ „Хацусе“ наткнулся на мину, поставленную нашимъ „Амуромъ“.

Всѣ японскія суда, сопровождавшія „Хацусе“, какъ по командѣ, открыли бѣшеный огонь со всѣхъ бортовъ въ воду, продолжавшійся въ теченіе 45 минутъ. И все это только потому, что явилось подозрѣніе, что они могли быть атакованы русскими подводными лодками, которыхъ, къ сожалѣнію, фактически въ Порт-Артурѣ не было. Нѣсколько подводныхъ лодокъ у насъ было во

Не лишнимъ будетъ добавить, что даже на небольшой глубинѣ въ иллюминаторы подводной лодки (окна) ничего не видно, кромѣ общаго зеленоватаго свѣта, который уже на глубинѣ 50—60 футовъ становится почти совершенно незамѣтнымъ. Тѣ, которые думаютъ, что „лодка“ видитъ что-нибудь подъ водой, конечно, ошибаются.

Постройка подводной лодки обходится значительно дороже миноносца. Такъ, „Акула“ стоила 1.100.000 рублей. Какъ авіація, такъ и подводное плаваніе доступны не каждому, а для этого надо имѣть, такъ сказать, даръ свыше. Что касается нашихъ подводниковъ, то въ ихъ рядахъ столько энергичныхъ, смѣлыхъ и глубоко-преданныхъ своему дѣлу работниковъ, что отечество можетъ быть спокойно, что въ этой отрасли морскаго дѣла мы не только не отстали отъ нашихъ западныхъ сосѣдей, но въ техническомъ отношеніи даже ушли впередъ. Само собой разумѣется, что полагаться на оборону одними только подводными лодками и легкими судами довольно рискованно. Въдѣ въ силу того, что при движеніи подъ водой лодка ничего не видитъ (въ водѣ), совместныя дѣйствія подводныхъ лодокъ почти немыслимы, такъ какъ онѣ легко могутъ наскочить одна на другую. Если наконецъ и допустить, что нѣсколько лодокъ будутъ дѣйствовать одновременно,

Внутренность носовой части подводной лодки. Направо—электрическая кухня.

Владивостокѣ, присутствіе которыхъ несомнѣнно и удерживало японцевъ отъ болѣе энергичнаго блокированія этой крѣпости.

Управленіе подводными лодками требуетъ полнаго хладнокровія какъ отъ командира, такъ и отъ всей команды. Все управленіе и стрѣльба сосредоточены въ однѣхъ рукахъ—командира. Внутренность современной подводной лодки, это — море машинъ и всевозможныхъ приборовъ. Тамъ использованъ буквально каждый дюймъ. Каюты для офицеровъ—канурки, гдѣ высокому человѣку нельзя ни стать ни лечь.

Само собой разумѣется, что подъ водой соблюдаются страшная дисциплина и вниманіе, ибо малѣйшая ошибка влечетъ за собою гибель всей команды.

Самое опасное для подводной лодки — наткнуться на мину загражденія. Здѣсь о спасеніи не можетъ быть и рѣчи. Въ современной войнѣ подводнымъ лодкамъ придется считаться еще съ однимъ врагомъ — аэропланами и дирижаблями, которымъ сверху довольно хорошо видно вглубь морскихъ водъ. Такъ сказать, активная борьба подводнаго флота съ воздушнымъ почти немыслима, такъ какъ до сихъ поръ подводныя лодки, кромѣ минъ Уайтхеда, никакого оружія не имѣютъ. Что касается быстроты передвиженія, то максимальная скорость, съ которой подводныя лодки могутъ двигаться, это: 16 узловъ въ надводномъ положеніи и 10—11 узловъ въ подводномъ *).

*) Морская миля=1³/₄ версты. Число узловъ въ часъ равно числу миль въ часъ.

то надо строго разграничить районъ плаванія каждой или же дать очень большой районъ дѣйствій.

Въ настоящее время русскій флотъ обладаетъ слѣдующими подводными лодками:

Балтійскій:

Макрель 150 тоннъ.	Кайманъ 450 тоннъ.
Окунь 150 „	Крокодилъ 450 „
Пескарь 115 „	Алигаторъ 450 „
Стерлядь 115 „	Вѣлуга 126 „
Минога 126 „	и еще нѣсколько строятся.

Черноморскій:

Лосось 120 тоннъ.	Строятся: Кашалотъ.
Судакъ 120 „	Моржъ.
Карпъ 200 „	Китъ.
Карасъ 200 „	Нарвалъ.
	Нерпа.
	Тюлень.

Тихоокеанскій:

Дельфинъ 115 тоннъ.	Щука 120 тоннъ.
Касатка 115 „	Осетръ 135 „
Фельдмаршалъ гр.	Бычокъ 135 „
Шереметевъ 150 „	Кефаль 135 „
Скатъ 150 „	Плотва 135 „
Налимъ 150 „	Палтусъ 135 „
Сомъ 120 „	

Мухи — распространители заразных болѣзней.

(Съ 4 рис. на этой стр.)

Домашнія мухи играютъ важную роль въ распространѣніи заразныхъ болѣзней. Микроскопическіе возбудители болѣзней — бактеріи легко могутъ удерживаться и приставать къ лапкамъ мухи, къ ея хоботку. Неудивительно, если повсюду летающія и охотно садящіяся на всевозможныя гніющія вещества домашнія мухи часто могутъ соприкасаться съ болѣзнетворными бактеріями. Чрезвычайная подвижность мухъ вполне обезпечиваетъ возможность постоянного переноса микроорганизмовъ такимъ путемъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, на корабляхъ, въ трамваяхъ мухи могутъ переноситься на очень далекія разстоянія. Такая роль мухъ въ распространѣніи заразныхъ болѣзней установлена для многихъ изъ нихъ: для чумы, холеры и т. п. Такимъ образомъ безвредная, по видимому, муха оказывается въ этомъ отношеніи играющей важную роль и является такимъ же врагомъ человѣка, какъ и другія насекомыя, приносящія вредъ человѣку. Помѣщаемые рисунки даютъ возможность составить понятіе о внѣшнемъ видѣ мухи при увеличеніи, ясно пока-

самыхъ опасныхъ бактерій-микробовъ тифа, чохотки и холерныхъ вибрионовъ. Колебанія дѣтской смертности въ значительной степени зависятъ, по его мнѣнію, отъ количества мухъ, и какъ только исчезнутъ эти насекомыя, прекратятся въ значительной степени инфекціонныя заболѣванія. Врачамъ только тогда удалось справиться съ эпидеміей тифа среди американскихъ войскъ на Филиппинскихъ островахъ, когда были почти до одной уничтожены всѣ мухи въ солдатскихъ помѣщеніяхъ. Но эта задача страшно трудная, и къ этой борьбѣ должно примкнуть общество — взрослые и дѣти. Чтобы доказать, сколько „будущихъ мухъ“ убиваетъ каждый, уничтожающій одну личинку, докторъ Говардъ приводитъ любопытныя цифры чудовищной размножаемости этихъ всеядныхъ насекомыхъ. Одна муха-самка, пережившая зиму, положить въ началѣ весны (докторъ Говардъ считаетъ 15 апрѣля) 120 яичекъ. Это — наименьшая цифра, т. е. такое количество, которое неминуемо будетъ развиваться, а не погибать. Изъ этихъ 120 новыхъ мухъ естественно предположить 60 самокъ. Каждая изъ нихъ, въ свою очередь, положить по 120 яичекъ, и такимъ образомъ къ срединѣ мая потомство выразится въ цифрѣ 7.200 мухъ. Изъ нихъ, очевидно, половина — самки, которыя будутъ содѣйствовать размноженію первой мухи

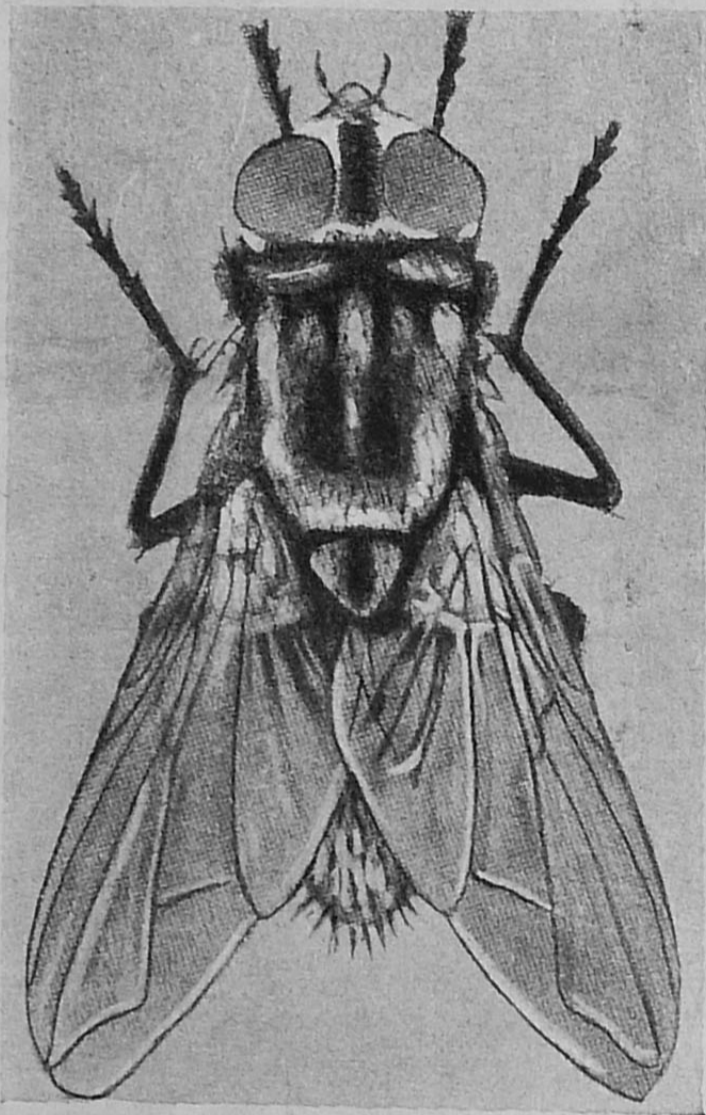

Рис. 1. Домашняя муха, — видъ сверху при увеличеніи.

зывающемъ массу волосковъ и крючечковъ, на которыхъ легко могутъ удерживаться массы микроскопическихъ возбудителей болѣзней. Сказаннаго достаточно, чтобы считать истребленіе мухъ въ широкихъ размѣрахъ необходимой мѣрой, предупреждающей распространѣніе заразныхъ болѣзней, въ особенности въ періоды возникновенія эпидемій.

Въ настоящее время въ Англии рѣшено уничтожить комнатныхъ мухъ во что бы то ни стало. Последнія изслѣдованія врачей доказали, что эти насекомыя гораздо опаснѣе для людей, чѣмъ самыя хищныя звѣри. Отъ заразы, приносимой мухами, погибаетъ больше людей, чѣмъ отъ нападеній волковъ, тигровъ и змѣиныхъ укусовъ. Докторъ Говардъ издалъ недавно интересную брошюру, въ которой доказываетъ, что комнатная муха является распространителемъ

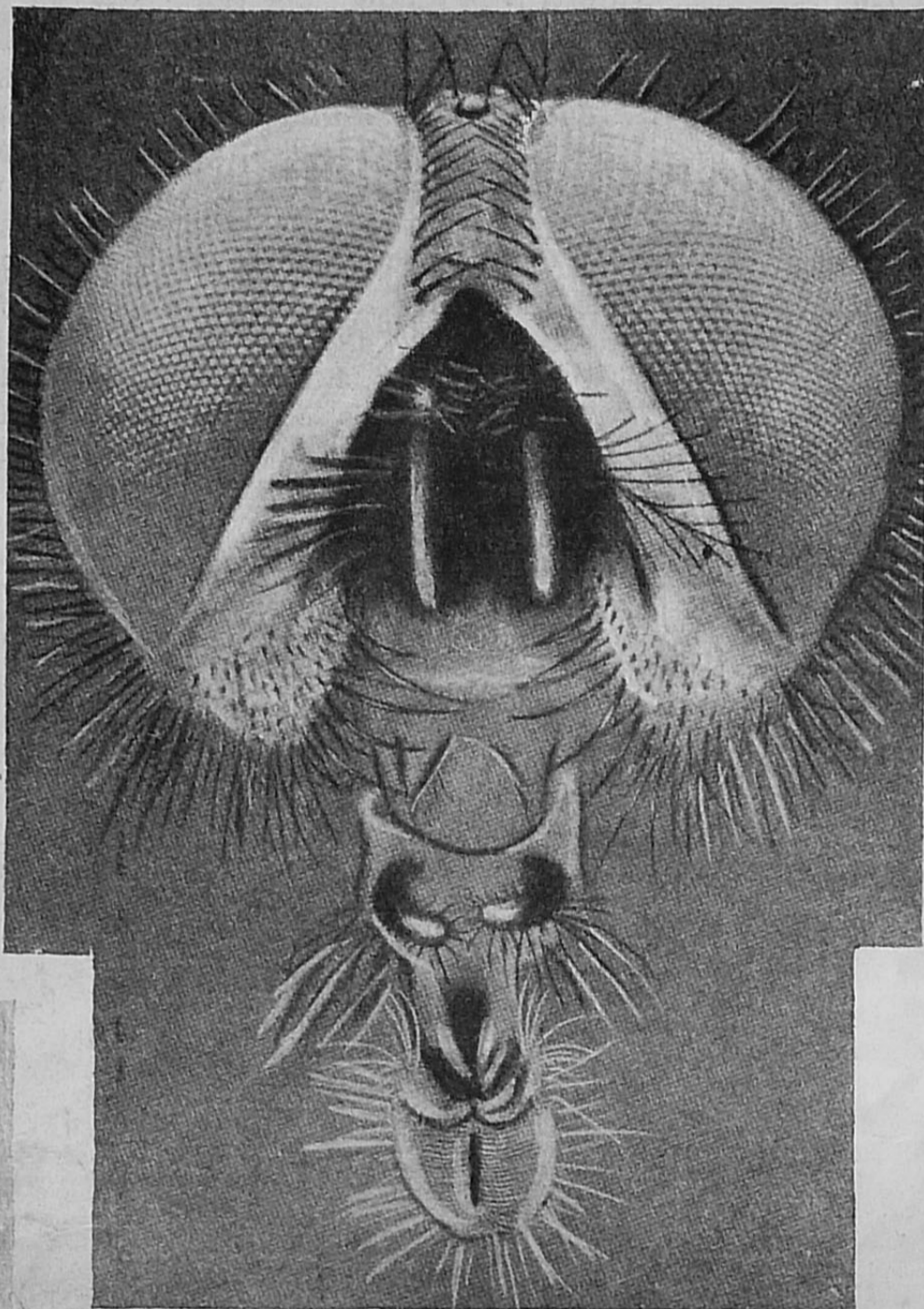

Рис. 3. Глаза мухи при сильномъ увеличеніи.

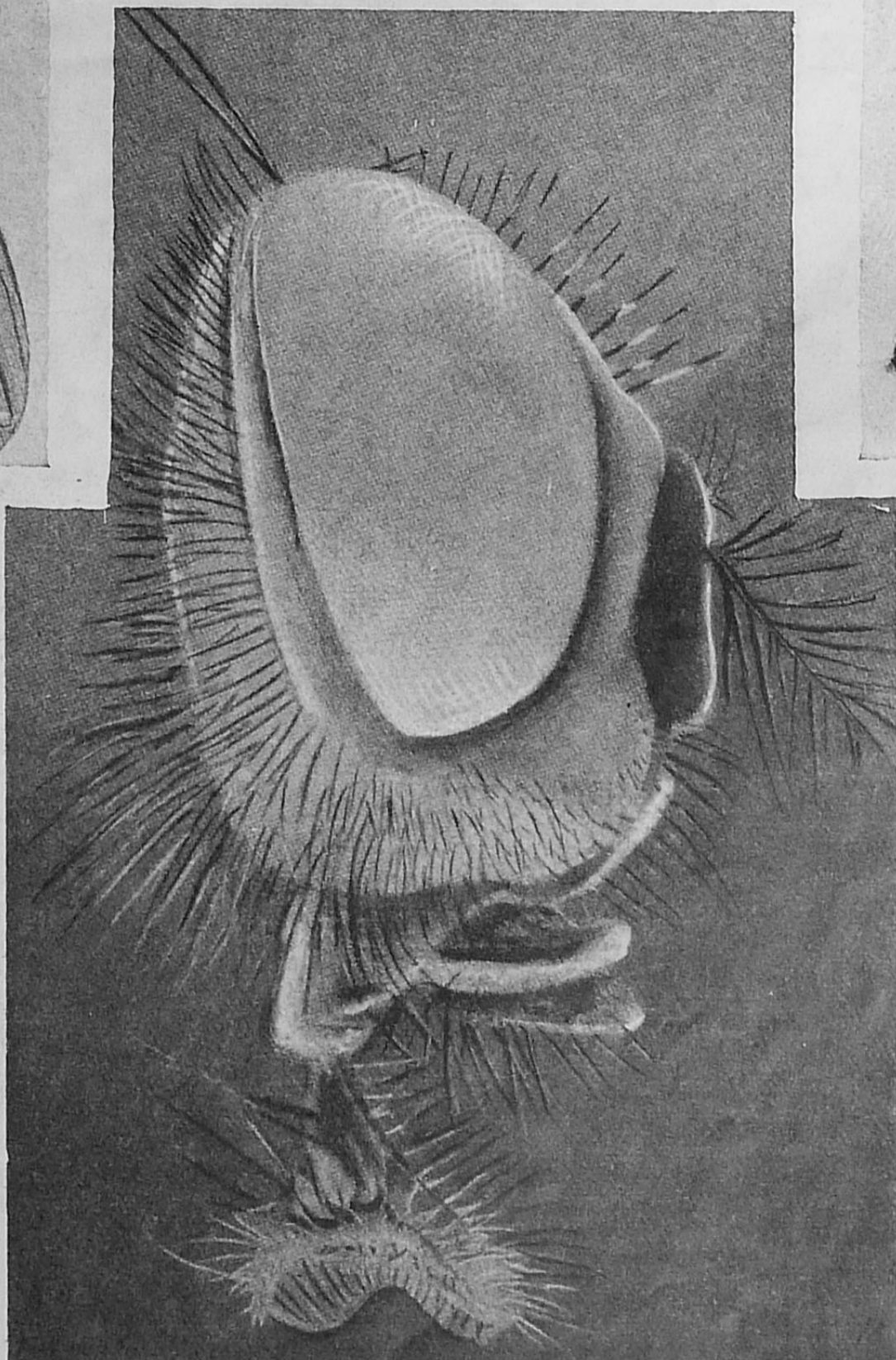

Рис. 4. Глазъ мухи, — видъ сбоку при сильномъ увеличеніи.

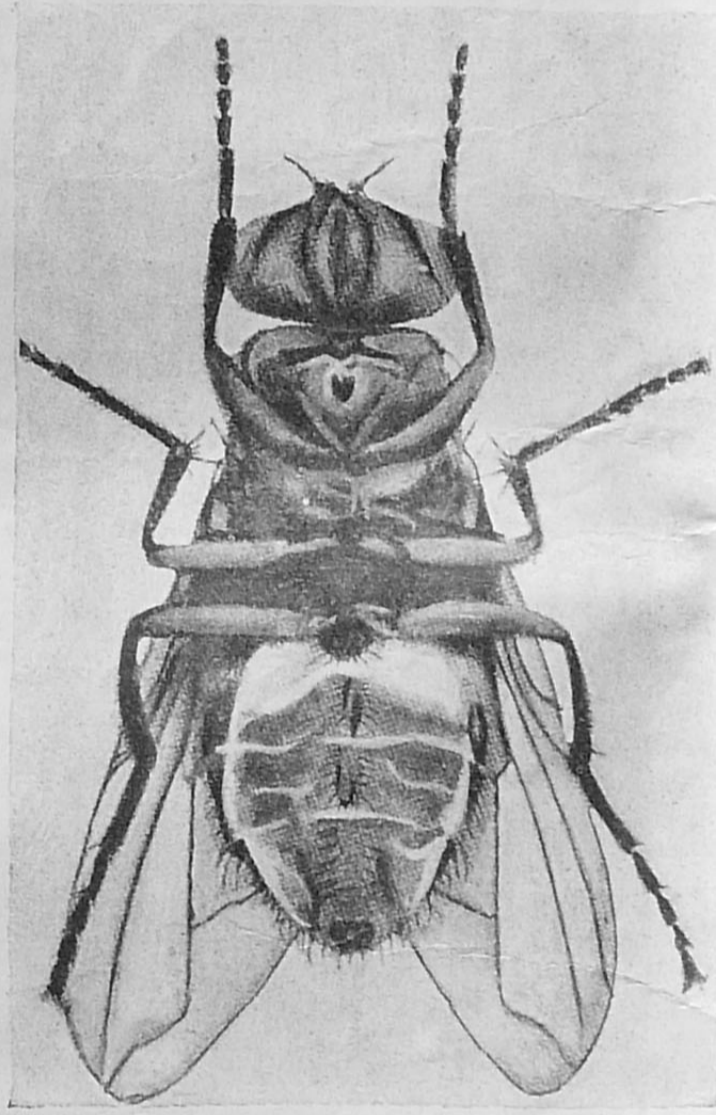

Рис. 2. Домашняя муха, — видъ снизу при увеличеніи.

въ той же прогрессіи. Къ 10 сентября получится 5.598.720.000.000 мухъ. Эти пять съ половиной тысячъ миллиардовъ мухъ, расплодившихся за сезонъ изъ одной мухи, указываютъ на необходимость бороться съ ними; но истребить эту несмѣтную массу мухъ немислимо, такъ какъ никакія бумаги, мухоловки и т. п. не достигаютъ цѣли. Единственное средство истребить муху, это — своевременно уничтожить самыя яички. Къ этому и сводится теперь борьба съ мухой, предпринятая въ Англии. Тамъ мухъ выводятъ, какъ у насъ клоповъ. Появились специалисты, которые находятъ самыя очаги размноженія — гнѣзда яичекъ — и убиваютъ зародыши особымъ химическимъ составомъ. Прекраснымъ средствомъ для этого являются керосинъ и мазуть. Нѣсколько лѣтъ такой борьбы — и муха будетъ истреблена.

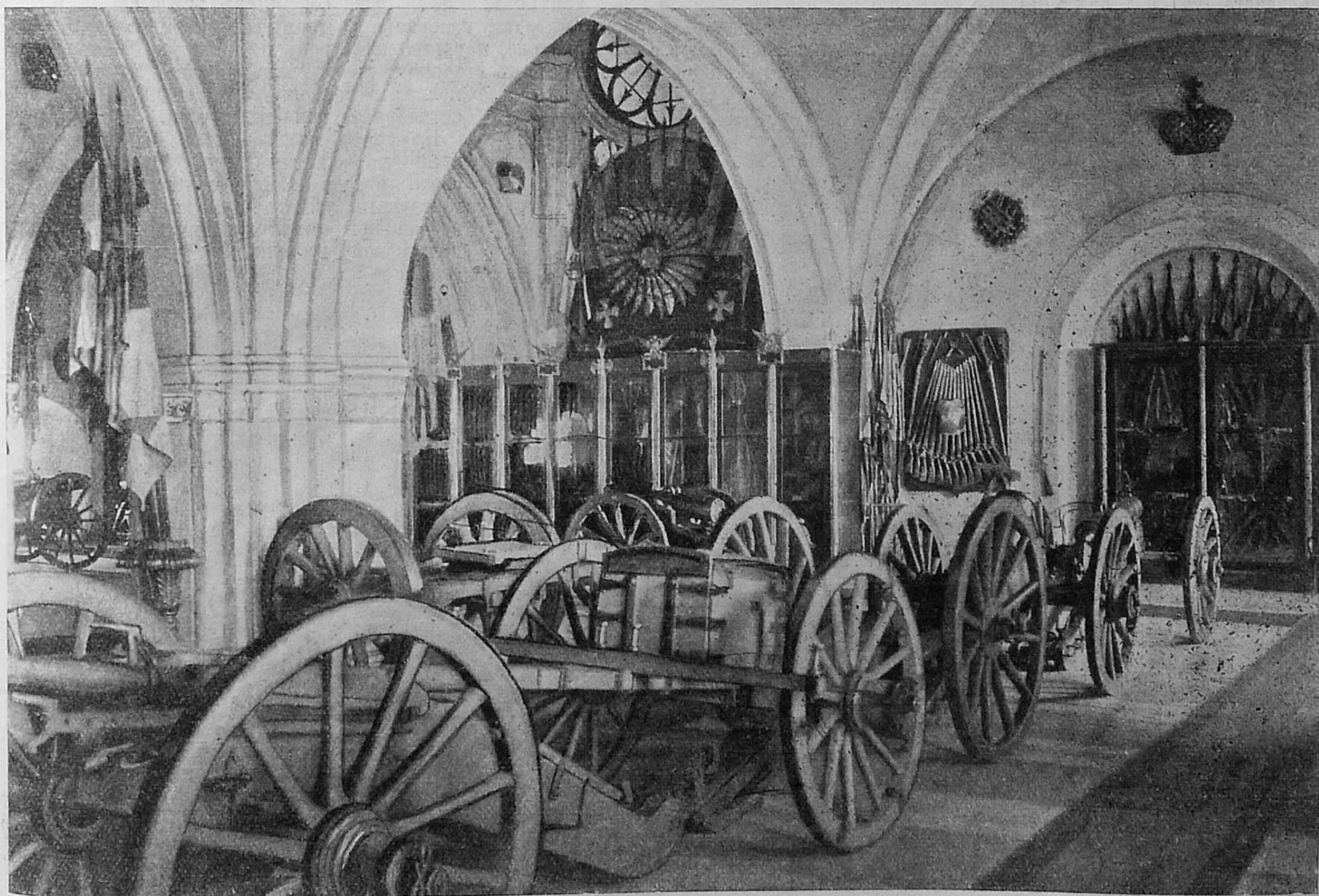
Артиллерійскій историческій музей.

(Съ 2 рис. на этой стр.).

Артиллерійскій историческій музей въ Петербургѣ обогатился новымъ интереснымъ отдѣломъ, открытымъ 18 іюня с. г. Музей этотъ существуетъ болѣе двухсотъ лѣтъ и былъ основанъ Петромъ Великимъ. За истекшіе два вѣка собраніе памятниковъ военной старины, хранящееся въ музеѣ, достигло колоссальной цифры — 70.000. До половины XVIII вѣка музей, именовавшійся въ тѣ дни „Достопамятнымъ заломъ“, находился въ Москвѣ, по переводѣ же въ Петербургъ былъ сначала размѣщенъ въ зданіи, подаренномъ артиллеріи ея генералъ-фельдцейхмейстеромъ княземъ Орловымъ (гдѣ нынѣ Окружный Судъ), а съ 1869 года — въ нынѣшнемъ помѣщеніи зданія кронверка с.-петербургской крѣпости. Ограниченность помѣщенія кронверка принудила оставить значительную часть коллекцій музея внѣ его стѣнъ, въ кладовыхъ и на дворѣ, и только въ настоящее время удалось болѣшую часть этого историческаго имущества предоставить для общаго обозрѣнія и научнаго изученія въ новомъ, просторномъ помѣщеніи. Въ немъ расположены выбранныя изъ запаснаго имущества въ кладовыхъ орудія и оружіе XVII — XIX столѣтій какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ образцовъ, богатая коллекція древняго вооруженія, пожертвованная музею наслѣдниками собирателя ея, С. В. Перлова, модели артиллерійской, матеріальной части, образцы лабораторнаго и артиллерійскаго техническаго дѣла, дальномеры и другіе изобрѣтательные артиллерійскіе инструменты и мн. др. Здѣсь же въ двухъ залахъ установлены для храненія сданныя войсковыми частями воинскія регалии: знамена, штандарты, серебряныя трубы отъ древнихъ временъ, съ начала регулярной арміи до послѣднихъ дней. Кроме того, музей располагаетъ обширнымъ историческимъ архивомъ древнихъ актовъ и документовъ, спеціальной бібліотекой и археологическимъ отдѣломъ доисторическаго періода военного искусства.

Общій видъ новаго отдѣла артиллерійскаго музея. Главный проходъ.

Орудія и оружіе XVII — XIX столѣтій русскихъ и иностранныхъ образцовъ, собранныя и размѣщенные въ новомъ отдѣлѣ артиллерійскаго музея въ зданіи кронверка с.-петербургской крѣпости. У задней стѣны направо въ шкапу — богатая коллекція древняго оружія.

У Спасо-Бородинскаго монастыря въ ожиданіи праха генерала Д. П. Невѣровскаго. Въ монастырскомъ храмѣ Спаса Нерукотвореннаго была отслужена панихида.

Перевезеніе праха генерала Д. П. Невѣровскаго.

(Съ 4 рис. на стр. 582 и 583)

8 іюля с. г. на Бородинскомъ полѣ состоялось торжественное погребеніе останковъ героя Отечественной войны генерала Д. П. Невѣровскаго. Въ 6 ч. утра на станцію Бородино прибылъ траурный вагонъ. Гробъ сопровождала депутація лейбъ-гвардіи Павловскаго полка и полковъ, входившихъ въ составъ бывшей въ 1812 г. 27-й пѣхотной дивизіи, которою командовалъ Невѣровскій: Одесскаго, нынѣ 48-го пѣхотнаго, Тарнопольскаго, нынѣ 56-го Житомирскаго, Виленскаго, нынѣ 52-го пѣхотнаго, Симбирскаго, нынѣ 24-го Симбирскаго. Этими полками командовалъ Невѣровскій въ бояхъ подъ Смоленскомъ и при Бородинѣ, стяжавшихъ ему бессмертную славу.

Въ депутацію вошли: лейбъ-гвардіи Павловскаго полка полковникъ баронъ П. А. Клодтъ и капитанъ Л. Н. Сапожниковъ, Одесскаго, нынѣ 48-го пѣхотнаго полка капитанъ Р. Г. Гассе и 24-го Симбирскаго пѣхотнаго

Депутаціи съ вѣнками впереди гроба съ прахомъ генерала Д. П. Невѣровскаго. Среди вѣнковъ — вѣнокъ отъ германскаго императора Вильгельма II.

полка штабсъ-капитанъ Р. Д. Валлеръ.

Эта депутація ѣздила въ Германію, въ г. Галле, гдѣ былъ погребенъ прахъ генерала Невѣровскаго, и присутствовала при вскрытіи могилы героя. Жители и власти г. Галле свято хранили могилу Невѣровскаго, павшаго при защитѣ ихъ родного города. Депутація отъ полковъ участвовала въ перенесеніи праха, совершившемся при весьма торжественной обстановкѣ. Въ Галле, кромѣ войскъ мѣстнаго гарнизона, въ проводахъ участвовали 8-я дивизія изъ города Торгау, одинъ батальонъ изъ Бернбурга и 15.000 горожанъ, съ членами городского самоуправления во главѣ.

При слѣдованіи отъ Галле до русской границы и потомъ черезъ Россію останкамъ были оказаны повсюду торжественныя почести. Особенно торжественна встрѣча и проводы были оказаны въ Смоленскѣ, Минскѣ и Вязьмѣ.

На гробъ были возложены вѣнки императора Вильгельма, города и гарнизона Галле, города Борисова, л.-гв. Павловскаго, Таврическаго гренадерскаго полковъ и др.

Къ моменту прибытія праха на вокзалѣ собрались: командующій войсками Московскаго округа генералъ-отъ-кавалеріи П. А. Плеве, предсѣдатель кружка ревнителіи памяти Отечественной войны генералъ-отъ-инфантеріи Яковлевъ, командиръ 17-го корпуса, московскій губернаторъ, губер-

скій предводитель дворянства, потомокъ Невѣровскаго, князь Багратіонъ, чины штаба войскъ округа.

Въ 8 ч. 30 мин. утра на дворѣ станціи выстроились почетный караулъ, 4 орудія запаснаго Конно-артиллерійскаго дивизиона, депутація съ вѣнками.

У траурнаго вагона была совершена литія, затѣмъ гробъ подняли на руки генералы, во главѣ съ командующимъ войсками П. А. Плеве, и установили гробъ на лафетъ.

По обѣимъ сторонамъ лафета шла депутація л.-гв. Павловскаго полка и полковъ бывшей 27-й дивизіи. Вели осѣдланнаго коня въ траурѣ.

На гробъ были возложены вѣнки кружка ревнителіи памяти Отечественной войны, московскаго отдѣла Военно-историческаго общества, городского управленія, княземъ Багратіономъ возложены вѣнки отъ полтавскаго дворянства, полтавской губернской управы и лично отъ себя.

На станці „Бородино“. Выносъ гроба съ прахомъ ген. Д. П. Невѣровскаго изъ траурнаго вагона.

Подъ звуки „Коль славень“ и пѣнье хора монахинь Спасо-Бородинскаго монастыря, прибывшихъ къ станціи Бородино, траурное шествіе направилось къ монастырю.

Далеко растянулась процессія по Бородинскому полю на которомъ каждая пядь земли обогрена родною кровью и напоминаетъ о бывшихъ геройскихъ подвигахъ. Мелькнулъ вдали Шевардинскій редутъ, первый подъ доблестной защитой Невѣровскаго принявшій на себя за день до Бородина натискъ французовъ, затѣмъ показался вправо силуэтъ Бородинскаго памятника, возвышающагося на Раевскомъ курганѣ. Нѣжные звуки монастырскаго колокола, плывшіе навстрѣчу праху героя изъ-за стѣнъ монастыря, воздвигнутаго на мѣстахъ тѣхъ редутовъ, гдѣ геройски бились въ Бородинскомъ сраженіи славные полки 27-й дивизіи подъ командой генерала Невѣровскаго, какъ бы призывали его къ мѣсту вѣчнаго упокоенія въ родной землѣ.

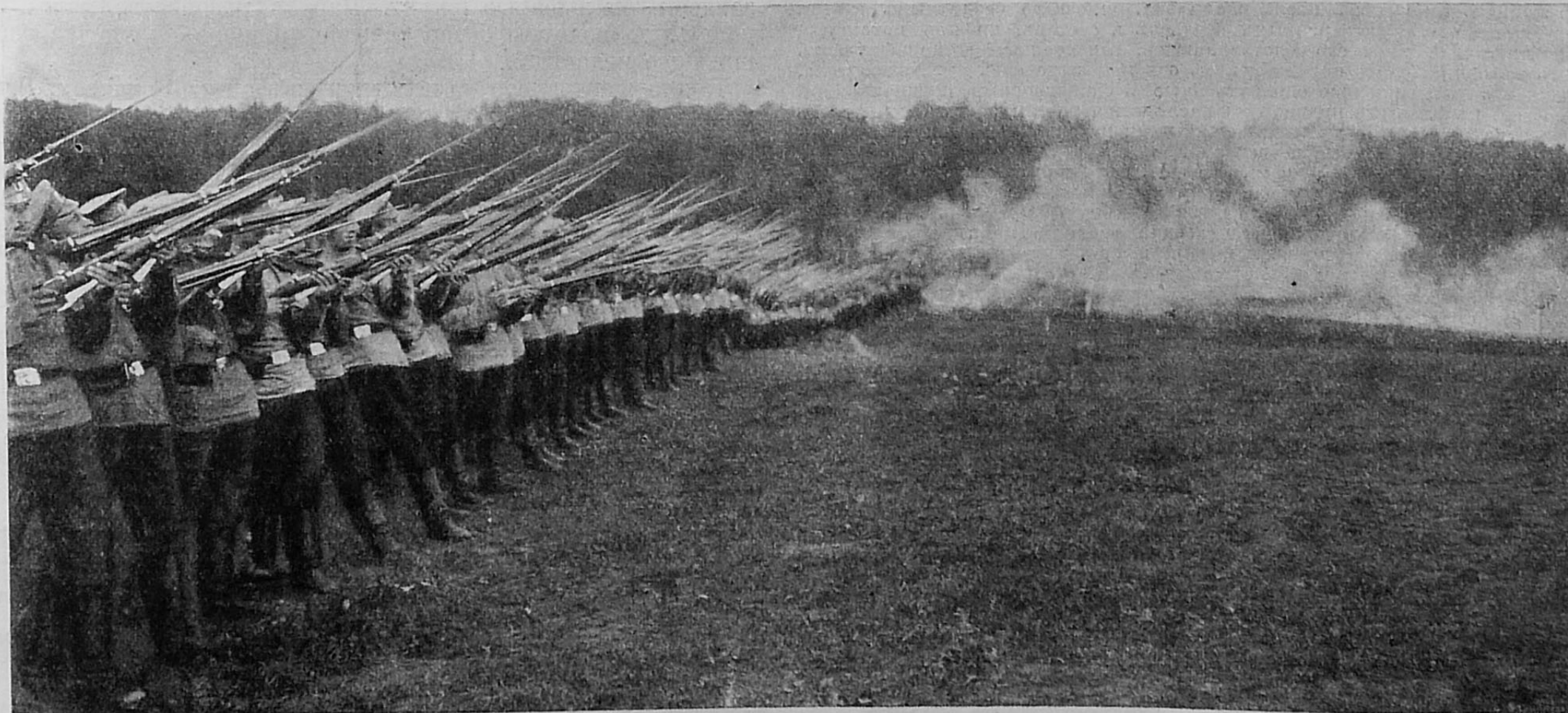
По прибытіи въ монастырь, войска выстроились у ограды. Гробъ былъ внесень въ церковь, гдѣ была совершена панихида, затѣмъ процессія отправилась въ лѣвую Багратионовскую флешъ, гдѣ приготовленъ былъ склепъ, въ который, послѣ краткой литіи, и были опущены останки героя.

Надъ склепомъ былъ поставленъ Георгіевскій штандартъ, а подъ нимъ изъ цвѣтовъ и зелени была сооружена арка, спускавшаяся къ склепу.

За возглашеніемъ „Вѣчной памяти“ послѣдовалъ троекратный залпъ изъ ружей и орудій, послѣ чего передъ

Могила генерала Д. П. Невѣровскаго на Семеновской или Багратионовой флеші Бородинскаго поля.

Погрѣбеніе праха генерала Д. П. Невѣровскаго на Бородинскомъ полѣ. Отданіе воинскихъ почестей. По фот. А. Савельева.

фронтомъ полковникъ В. А. Афанасьевъ произнесъ рѣчь, въ которой ярко обрисовалъ личность, подвиги и заслуги генерала Невѣровскаго.

